

БЕРНАР
МИНЪЕР
НЕ
ГАСИ
СВЕТ

18+

...а то не видиш,
кто придет к тебе.

Бернар Миньер

Не гаси свет

Серия «Майор Мартен Сервас», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23324860
Не гаси свет: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110493-1

Аннотация

Ты ничего не сделал. Ты позволил ей умереть... Еще пару недель назад Кристина, ведущая на местной радиостанции в Тулузе, не могла и представить, что ее жизнь, такая безоблачная и размеренная, за короткое время превратится в дикий кошмар. Вокруг нее стали происходить странные и до смерти пугающие события, совершенно расшатавшие ее рассудок. Анонимные письма, мерзкие надписи на стенах ее квартиры, подброшенные на рабочий стол наркотики, клевета со стороны коллег... И, самое главное, присылаемые ей музыкальные диски с операми, каждая из которых посвящена самоубийству главной героини. В результате Кристина потеряла работу, ее личная жизнь разрушена, здоровье пошатнулось. Чей-то жестокий расчет толкает журналистку к краю пропасти, полагая, что ее рассудок не выдержит этой пытки. Но Кристина не из таких, она никогда не сдавалась без борьбы. Ей во что бы то ни стало нужно понять, кто добивается ее смерти...

Содержание

Увертюра	5
Акт 1	23
1. Занавес поднимается	23
2. Партитура	39
3. Хор	51
4. Баритон	68
5. Кончертато[18]	78
6. Солист	92
7. Вибрато	96
8. Мелодрама	117
9. Антракт	126
10. Сопрано	130
11. Крещендо	148
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Бернар Миньер

Не гаси свет

© XO Éditions, 2014. All rights reserved

© Клокова Е. В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Увертюра

Беловежская пуца,

на границе Польши с Белоруссией

Он находился в самом сердце леса. Шел сквозь пургу и стучал зубами от холода. Снег оседал на ресницах и бровях, на стеганой лыжной куртке и насквозь промокшей шерстяной шапочке и мгновенно превращался в лед. Рекс глухо ворчал, проваливаясь в снег по загривок, и то и дело начинал лаять, демонстрируя хозяину свое неодобрение. Чаща отзывалась на его лай гулким эхом. Время от времени пес останавливался, отряхивался, как после купания, и с его рыжеватой-черной шкуры взлетало облако обледеневшей снежной пыли. Его стройные мускулистые лапы глубоко впечатывались в пухлый белый ковер, а живот оставлял за собой след наподобие санного.

День подходил к концу. Ветер усилился. *Где она?* Где хижина? Человек остановился передохнуть. Спина его под одеждой была мокрой от пота, дыхание сбивалось, из груди рвались хрипы... Лес вокруг жил своей жизнью: шуршали отяжелевшие от снега ветки, трещала, лопаясь на морозе, кора, пел хрустальным голоском ручеек, северный ветер налетал, как дикий зверь, и улюлюкал в ушах. Идти становилось все труднее, мороз крепчал... Господи, как же холодно! Ему никогда в жизни не было так холодно...

Он взгляделся покрасневшими глазами в муть тусклых сумерек и вдруг заметил на снегу какой-то металлический отблеск. Два зубчатых кружала... Капкан... В стальных челюстях зажато что-то темное.

Ему стало не по себе: *оно* не было похоже ни на одно живое существо. Попавшего в капкан беднягу терзали, рвали на части и пожирали живьем. Снег вокруг ловушки был запачкан липкой кровью и шерстью, рядом валялись косточки и припорошенные инеем розоватые внутренности.

Внезапно тишину леса нарушил протяжный вой, полоснувший по нервам ржавым лезвием. Человек впервые слышал подобный звук, сплетенный из ужаса, боли и нечеловеческого страдания. Никто из людей не смог бы исторгнуть из глубин своего существа подобного звука. Вой повторился, леденя кровь, и ему показалось, что на него надвигается грозная волна, что она все ближе, ближе... Крик взметнулся в небо и растаял, унесенный порывом ветра.

На короткий миг на землю вернулась тишина, а потом в глубине окутанного тьмой леса зазвучал хор голосов, откликаясь на призыв вожака. Волки... Человек содрогнулся и двинулся дальше, подгоняемый энергией отчаяния и страха. Он шел в ту сторону, откуда доносился вой, и наконец увидел ее. Увидел хижину. Темный приземистый силуэт маячил в конце просеки, и мужчина, не выдержав, побежал, оскальзываясь на обледеневшем снегу. Собака что-то почувствовала и с громким лаем помчалась вперед, обогнав хозяина.

– Ко мне, Рекс! Ко мне, собачка! – позвал ее тот. – Рекс!
РЕКС!

Немецкая овчарка не подчинилась команде и с разбега влетела в хижину: у порога намело много снега и дверь была приоткрыта. Зыбкую тишину разорвал улюлюкающий, ухающий крик ночной птицы, и ей снова ответил волчий хор: хищники тьякали, визжали, гортанно переговаривались... Они приближались, и человек, с трудом преодолев сугроб, шагнул через порог и оказался в комнате, залитой жарким желтым светом штормовой лампы...

Майор Мартен Сервас повернул голову и окаменел. Ледяная игла прострелила мозг.

Он зажмурился. Открыл глаза.

Это невозможно. Нереально. Я брежусь. Или сплю.

В центре комнаты на столе лежала обнаженная Марианна. Тело еще не остыло, хотя воздух в хижине был морозный. «Гиртман не мог далеко уйти...» – подумал мужчина и хотел было кинуться в погоню, но не сумел даже шевельнуться: ноги стали ватными, руки онемели. Он боялся потерять сознание, понимая, что оказался на краю пропасти... Или безумия. Наконец Мартен шагнул вперед, приказав себе не отводить взгляда. Тело Марианны было распорото от ямки на шее до самого паха – и, судя по количеству крови, рану нанесли при жизни. Торс, деревянная столешница и грубые доски пола были глянцево-красными от теплой крови. Сделав разрез, палач оттянул кожу и раздвинул грудную клет-

ку. Все внутренние органы остались на своих местах, кроме одного... Сердце исчезло... Прежде чем уйти, Гиртман положил его на лобок Марианны. Сердце было теплым. Сервас заметил белый пар, поднимавшийся к потолку. Как это ни странно, его даже не затошнило – он вообще не почувствовал отвращения.

Что-то было не так. Его не вывернуло наизнанку. Он не завыл от ужаса, не зашелся в крике, а отупел, впал в какое-то странное оцепенение. Рекс зарычал, оскалил клыки, и шерсть на его загривке встала дыбом. Пес смотрел на приоткрытую дверь, и в его желтых глазах плескались угроза и страх.

Полицейский похолодел. Он подошел к двери и выглянул наружу.

Они пришли на поляну. Взяли хижину в кольцо. Человек насчитал восьмерых. Восемь волков. Отощавшие от голода хищники.

Марианна...

Нужно отнести ее в машину. Мужчина вспомнил, что оставил оружие в бардачке. Рекс все не унимался, и Сервасу передались ужас и растерянность мохнатого друга. Он погладил его по голове успокаивающим жестом. Овчарка дрожала крупной дрожью, и Мартен, присев на корточки, обнял ее за шею:

– Ничего, дружок, все будет в порядке.

Пес посмотрел на хозяина, и в его золотистых глазах было

столько любви, что Сервас едва не расплакался. Он знал, что шансов на спасение нет и что ему предстоит сделать самую тяжкую и самую трудную вещь на свете.

Мартен вернулся к столу, взял сердце и вложил его в грудную клетку Марианны. Затем, судорожно сглотнув, закрыл глаза и взял обнаженное тело на руки. В голове мелькнула нелепая мысль: «Не такая уж она и тяжелая...»

– Вперед, Рекс! – приказал он и направился к двери.

Пес недовольно гавкнул, но последовал за хозяином. Он глухо рычал, прижав уши и спрятав хвост между лапами.

Волки ждали, выстроившись полукругом. Их желтые глаза горели, как угольки в камине. Шерсть собаки встала дыбом, она свирепо скалилась, угрожая хищникам, а те завывали и щерились, показывая чудовищные клыки, и из их разинутых пастей текла слюна.

Овчарка залаяла. Одна против восьми. Домашний питомец против хищников. У него не было ни малейшего шанса.

– Давай, Рекс! – скомандовал Сервас. – Ну же... ФАС!

Он заливался слезами, его нижняя губа дрожала, его внутренний голос вопил: *Нет! Остановись! Не делай этого, не слушай меня!* Пес заходился лаем, но с места не двигался. Его научили беспрекословно повиноваться приказам, но сейчас инстинкт выживания оказался сильнее.

– Пошел, Рекс! Вперед! – снова велел ему майор.

Обожаемый хозяин – никто в этом мире не будет любить его сильнее, никто не сумеет проявить большую верность! –

отдал приказ, и в его голосе прозвучал гнев:

– НУ ЖЕ, ВПЕРЕД, ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ!

Рекс хотел помочь хозяину, доказать свою преданность. Ему было страшно, но он кинулся на волков.

Сыщику вдруг показалось, что собака может одолеть своих извечных врагов. Когда вожак стаи прыгнул на пса, тот ловко увернулся, вцепился ему в шею, и волк заскулил от боли, а другие хищники сразу попятились назад. Вожак и овчарка сплелись в смертельном объятии. Рекс превратился в дикого, свирепого, кровожадного зверя.

Дольше ждать было нельзя.

Мартен развернулся и пошел прочь. Волки не обращали на него внимания – пока. Он брел по аллее с телом Марианны на руках и плакал, слыша за спиной жалобный вой своей собаки и плотоядное рычание стаи. Рекс издал пронзительный крик, полный боли и ужаса. *Рекс звал его на помощь.* Сервас стиснул зубы и ускорил шаг. Еще триста метров...

В ветреной ночи прозвучал последний скорбный взвизг и наступила тишина. Рекс погиб. Мужчина не знал, удовольствуются волки этой победой или кинутся в погоню за ним. Ответ на свой вопрос он получил почти сразу: хищники возбужденно затаивались – их не пугали метель и холод, они преследовали добычу, и этой добычей был человек.

Машина...

Она была припаркована у обочины дороги, до нее оставалось не больше ста метров. Кузов покрылся тонким слоем

снега. Страх подгонял майора – быстрее, еще быстрее! – он задыхался, и его легкие готовы были взорваться от напряжения. Рычание раздалось прямо у него за спиной. Он резко обернулся. Волки догнали его. Четыре хищника из восьми... их янтарно-желтые влажные глаза смотрели, не моргая: они как будто оценивали ситуацию. Он не сможет добраться до машины. Слишком далеко. И тело Марианны все сильнее оттягивает руки...

Она мертва. Ты больше ничего не можешь для нее сделать. Но за собственную жизнь есть шанс побороться...

Нет! Его мозг отказывался воспринимать эту идею. Он уже пожертвовал своей собакой. Тело Марианны еще не остыло, куртка Серваса пропиталась ее кровью. Он поднял глаза, и ему почудилось, что небо над ним разверзлось, что Вселенная стремительно надвигается на него и вот-вот проглотит. Снежинки кружились в танце и падали на землю, как летучие звезды. Мартен издал вопль ярости и отчаяния, но волков это не впечатлило. Им надоело ждать, они чувствовали, что этот одинокий человек не представляет никакой опасности. Хищники чуяли его страх и запах крови второй жертвы. Не один пир. Целых два. Они были слишком голодны и слишком возбуждены.

Прочь! Пошли вон! УБИРАЙТЕСЬ, МЕРЗКИЕ ТВАРИ! Он произнес это вслух, или его мозг исторг безмолвный вопль?
Беги! Не медли! Для нее все кончено. Беги!

На этот раз мужчина подчинился своему внутреннему го-

лосу. Он «поставил» Марианну на снег, сунул руку в ее рану, нащупал сердце – все еще теплое, упругое, вытащил его и сунул себе за пазуху, туда, где билось его собственное, живое, сердце. Свитер был мокрым от крови. Он уронил бледное голое тело, и снежный саван с тихим вздохом принял его в свои объятия. Сервас медленно отступил на три шага, а волки набросились на труп. В мгновение ока человек оказался рядом с машиной. Дверцу он не запирает, но боялся, что она примерзла. Из последних сил Мартен потянул за ручку окровавленными пальцами и едва не опрокинулся на спину, когда она заскрежетала и внезапно открылась.

Сервас рухнул на сиденье. Рука в липкой от крови перчатке так сильно дрожала, что он с трудом вытащил ключ из кармана и чуть не уронил его, пытаясь вставить в зажигание. Но Мартен справился с ключами, после чего бросил взгляд в зеркало и вдруг понял, что сзади него кто-то есть. Ему стало ясно, что он сходит с ума. *Нет, этого не может быть!*

А она открыла рот и произнесла молящим тоном:

– Мартен...

– Мартен! Мартен!

Сервас вздрогнул и открыл глаза.

Он сидел в старом кожаном кресле, уронив правую руку с подлокотника, а Рекс лизал ему ладонь.

– Прекрати немедленно! – произнес чей-то голос. – Давай,

давай! Пойди поищи себе другую игрушку! Как ты, Мартен?

Пес удалился, виляя хвостом. Он был настоящим хозяином здешнего заведения, он принадлежал всем и никому персонально, и играть с ним стало частью терапии. Полицейский встряхнулся – в точности как овчарка в его сне – и уставился в телевизор. Показывали репортаж о французской космической программе. На экране мелькали кадры съемки Космического городка¹, расположенного на восточной окраине Тулузы, и корпуса Высшего института авионики и космоса, выстроенного на склоне холма в центре города, неподалеку от Обсерватории Жолимон.

Кроме Серваса и Элизы, в общей гостиной никого не было. Мартен понял, что задремал перед телевизором, разомлев от жары в этот бесконечно долгий и нудный зимний день (в здании сильно топили). Сыщик повернул голову в сторону балконной двери. Солнце все утро сияло над заснеженным пейзажем, в коридорах витал аромат кофе – там смеялись и переговаривались сотрудники, – и огромная, украшенная кем-то из пансионеров елка радовала взгляд каждого, кто видел ее. Снег сверкал и переливался, и душа проснувшегося мужчины ненадолго обрела безмятежный, почти детский покой.

---

¹ Космический городок – тематический парк развлечений, посвященный освоению космоса и истории Солнечной системы. Был открыт в июне 1997 г. по инициативе мэрии Тулузы. За первые десять лет существования этого парка развлечений его посетило более трех миллионов человек. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Но сразу после обеда («постояльцы» ели в общей столовой) холодный ветер загнал солнце за тучи. Голые ветки деревьев застучали в стекла, температура упала до -1°C . Одолеваемый мрачными мыслями майор устроился в кресле перед телевизором. Убавив звук, он погрузился в забытие и увидел кошмар.

– Вы кричали, – сказала Элиза. – Плохой сон?

Мартен посмотрел на нее мутным взглядом и внутренне содрогнулся, вспомнив заснеженный лес, хижину, волков... и Марианну... Кошмарный сон, навеянный ужасной реальностью. Осталась ли у него надежда? Ответ ясен: никакой.

– Вы уверены, что все хорошо? – допытывалась Элиза.

Эта пухленькая сорокалетняя женщина со смеющимися глазами была единственной сотрудницей центра, которая нравилась Сервасу, и единственной, кто мог выносить его. Все остальные сотрудники раньше работали в полиции. Сначала они сами были пациентами центра, потом стали его хозяевами: их называли общественными медицинскими помощниками. Они проявляли к другим пансионерам братское участие, которое Сервас воспринимал как нечто навязчиво-липкое.

Они его не любили. Он отказывался соблюдать правила игры. Не желал смириться, не собирался жалеть себя и сотрудничать...

А вот Элиза ничего от него не ждала.

И никогда не работала в полиции. Ее много лет унижал

и третировал муж, и она в конце концов ушла от него. Чаша терпения этой женщины переполнилась после одного вопиющего случая: супруги поехали гулять за город, она что-то «не так сказала», и мерзавец сел в машину и уехал, бросив Элизу с маленьким сыном в незнакомом месте среди ночи. После развода бывший муж день и ночь донимал ее телефонными звонками, поджидал после работы, подкарауливал в супермаркете, молил о прощении, грозился похитить сына или убить их обоих, а потом покончить с собой... Однажды он так сильно толкнул ее на парковке, что она ударилась головой о бампер собственной машины и потеряла сознание. Все это произошло на глазах у ребенка. Судья выдал запретительный ордер, но бывший супруг Элизы не утихомирился: у него и раньше бывали неприятности с полицией, и он знал, что ему ничего не грозит. А Элиза нашла работу в доме отдыха для вышедших в тираж полицейских и быстро стала всеобщей любимицей. Через какое-то время она поделилась своими проблемами кое с кем из пансионеров, и в один далеко не прекрасный день у экс-мужа началось «тесное общение» с полицейскими. Они наносили ему визиты по самым ничтожным поводам, звонили утром, днем и вечером на работу, заезжали, чтобы дружески поприветствовать, как минимум два раза в неделю парковались у его дома, подходили на улице, «тыкали» ему при соседях, а иногда «случайно» толкали – о, конечно, не так сильно, как он толкнул свою жену! Бывший обещал подать жалобу за преследование, но ни-

чего подобного, естественно, не сделал, а вот жену с малышом доставать перестал. Как только негодяй исчез из жизни Элизы, она как будто помолодела и снова стала энергичной, полной сил, веселой женщиной с заразительным смехом.

– Звонила ваша дочь, – сказала она Сервасу.

Тот приподнял бровь.

– Я сказала, что вы спите, и она не велела будить вас, но просила передать, что скоро заедет, – добавила женщина.

Мартен взял пульт и выключил телевизор. Поднявшись, он посмотрел на свой изношенный свитер, замахрившийся на локтях и манжетах, и внезапно вспомнил, что завтра Рождество.

– Может, хоть по случаю праздника побреетесь? – подколола его Элиза.

Пациент ответил не сразу.

– А что будет, если не побреюсь? – поинтересовался он наконец после долгой паузы.

– Подтвердите то, что думают о вас почти все, кто тут живет.

Сервас снова вздернул бровь:

– А что они думают?

– Что вы бирюк и бука.

– И вы с ними согласны?

Женщина пожала плечами:

– Что и говорить, характерец у вас тот еще...

Мартен рассмеялся, а она улыбнулась, покачала головой

и вышла. Когда дверь за Элизой закрылась, Сервас задумался. Его не волновало, что думают о нем другие, но Марго не должна видеть его таким. Последний раз дочь навещала его три месяца назад, и он до сих пор не забыл, с какой печалью и укоризной она тогда на него смотрела.

Сервас прошел через холл и начал подниматься по лестнице. Его комната находилась под самой крышей и была очень маленькой – едва ли больше девяти метров. Обставлена она была по-спартански: кровать, узкая, как ложе тайно вернувшегося на Итаку Одиссея, шкаф, письменный стол, несколько полок с книгами – Платон, Цицерон, Тит Ливий, Овидий, Сенека... Размеры временного пристанища и отсутствие уюта не волновали Серваса, зато вид из окна на лес и поля был хорош даже зимой.

Он сменил старый свитер и майку на рубашку и чистый пуловер, надел любимую стеганую куртку, шарф и перчатки, спустился на первый этаж и покинул дом через заднюю дверь. Дойдя по засыпанной снегом равнине до ближайшего перелеска, вдохнул полной грудью холодный влажный воздух. Его окружала вселенская тишина, а на снегу не было ни одного следа – здесь никто не гулял.

Мартен очистил каменную скамью, уютно устроившуюся под двумя вековыми деревьями, и сел. «Черт, как же холодно!»

В небе, белом под стать окружающему пейзажу, летали вороны, и мысли в голове у сыщика были такими же мрачны-

ми, как оперение этих птиц. Он запрокинул голову и сделал глубокий вдох. В памяти, как посмертный отпечаток портрета убийцы на сетчатке жертвы, всплыла улыбка того человека. В прошлом месяце он перестал принимать антидепрессанты, не поинтересовавшись мнением лечащего врача, и сейчас вдруг испугался, что тьма снова поглотит его.

Возможно, он поторопился...

Полицейский понимал, что недуг может убить его. Он сражается с тяжелой депрессией, его мозг бьется в конвульсиях, как попавший в капкан зверь, и никто не знает, надолго ли его хватит.

Жестокое страдание опустошает душу.

Полгода назад ему домой пришла посылка, доставленная UPS². Отправитель, некий М. Особа, жил в Пржевлоче, на востоке Польши, в лесистой местности на границе с Белоруссией. Внутри картонной коробки находился термобокс. Сердце едва не выскочило у Серваса из груди, когда он поддел кухонным ножом сургучную печать. Сыщик не помнил, что именно ожидал найти внутри. Отрезанный палец? А может, даже кисть руки (учитывая размеры упаковки)? Но увиденное оказалось во сто крат хуже. Предмет в форме большой груши красного – нет, алого, как сырое мясо, – цвета. Сердце... Определенно человеческое. Приложенная записка была не на польском, ее написали по-французски:

---

² United Parcel Service, Inc., или UPS – американская компания, специализирующаяся на экспресс-доставке и логистике.

Она разбила твое, Мартен. Думаю, теперь ты наконец почувствуешь себя свободным. Сначала будешь страдать, но потом успокоишься – нет смысла искать, не на что надеяться. Подумай об этом.

С дружескими чувствами,

Ю. Г.

Последняя надежда – мизерная, прозрачная: это жестокая дурная шутка и сердце не ее...

Сотрудники лаборатории сделали генетический анализ, сравнив ДНК «подарка» с ДНК сына Марианны Юго, вынесли вердикт, и разум Серваса дрогнул. По указанному на посылке адресу находился отдельно стоящий дом в глубине векового леса. Беловежская Пуща была одним из последних первозданных лесных массивов Европы. Единственным нерукотворным памятником необъятного леса эпохи герцинской складчатости³, который в начале христианской эры покрывал весь север континента. Взятые на месте анализы подтвердили, что Гиртман жил там – как и многие женщины, похищенные в последние годы в разных европейских странах. В том числе и Марианна... Сыщик выяснил, что фамилия «Особа» переводится с польского как «человек»: Гиртман тоже читал Гомера.

Разумеется, след на этом обрывался...

---

³ Герцинская складчатость (по названию горной группы Центра Европы, известной у древних римлян как Герцинский лес) – совокупность процессов интенсивного горообразования, завершившихся возникновением во второй половине палеозойской эры складчатых горных систем.

Месяц спустя Мартена признали временно негодным к службе и направили в центр, где впавших в депрессию полицейских заставляли заниматься спортом по два часа в день и выполнять мелкие бытовые поручения – например, сгребать опавшие листья в парке. Он беспрекословно подчинялся, когда ему давали эти задания, но вот от групповой терапии отказался наотрез. Уклонялся сыщик и от общения с другими пансионерами: почти все они были алкоголиками – то ли в силу природной склонности, то ли из-за «трудо-вой биографии». Люди годами купались в нечистотах, имея дело с отбросами общества, и неизбежно срывались. Даже самый бесчувственный и твердолобый человек ломается, когда его в глаза называют легавой сукой, мусором, сволотой, когда его детей задирают во время перемены на школьном дворе только за то, что их отец – полицейский, когда жена уходит, заявив, что «ей все обрыдло». Тех, кто стоит на страже безопасности граждан, эти самые граждане ненавидят и презирают, а подонки общества прохлаждаются в это время на террасах кафе или в постели с девками... Большинству постояльцев центра хоть раз да приходила в голову мысль о самоубийстве.

У депрессии много пагубных последствий. Одно из них – невозможность сконцентрироваться и заниматься своим делом. Патрон Серваса комиссар Стелен быстро понял, что майор совершенно выбит из колеи и неработоспособен. Да Мартен и сам это осознал. Ему было плевать на убийц,

наильников и грабителей всех мастей. Он утратил вкус не только к работе, но и к еде, к происходящим в мире событиям и к своим любимым латинским авторам.

Даже музыка Малера перестала его волновать...

Последний симптом пугал мужчину сильнее всего. Выбрался ли он из пропасти? Не факт, хотя в последнее время появились признаки улучшения: душа понемногу оттаивала, кровь быстрее бежала по жилам... Так случилось каждый год, когда весна вступает в свои права, гоня прочь зимнее уныние. Сервас поймал себя на желании вернуться к папке с делом, пылившейся на его рабочем столе, и даже сказал об этом Венсану Эсперандье, своему помощнику и единственному другу. «Выздоровливаем?!» – обрадовался молодой сыщик. Майор улыбнулся. Венсан был страстным поклонником инди-рока⁴, читал манга⁵, обожал видеоигры, дорогие шмотки и навороченные гаджеты, но майор уважал его мнение. Помощник рассказал, как идет расследование двух сложных дел, над которыми они начинали работать вместе. «Мы зашли в тупик...» – сообщил он, заметил в глазах шефа искорку охотничьего азарта и обрадовался, как пацан, выкинувший ловкий фортель.

---

⁴ Инди-рок – обобщающий термин для широкого диапазона музыкантов и стилей, объединенных причастностью к контркультуре и независимых от крупных звукозаписывающих и продюсерских компаний.

⁵ Манга – японские комиксы, иногда называемые комикку. Манга, в той форме, в которой она существует в настоящее время, начала развиваться после окончания Второй мировой войны.

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины⁶.

– Это откуда? – спросил Эсперандье, сдвинув брови.

– Из Данте, – ответил Сервас.

– А-а-а... Кстати, Аслен ушел.

Комиссар Аслен. Начальник уголовного розыска.

– И кто его заменил? – поинтересовался Мартен.

Эсперандье в ответ лишь кисло поморщился.

Теперь майор на мгновение снова перенесся мыслями в освещенный весенним солнцем лес. Земля под ногами еще не отмерзла, мороз пробирал до костей, и он ужасно продрог. Майор усилием воли прогнал ледяное видение. «Я очень скоро выйду из этого леса, – пообещал он себе. – Не во сне – наяву...»

---

⁶ Данте Алигьери «Божественная комедия», пер. М. Лозинского.

АКТ 1

*Да познает твоя душа
Вечную муку.*

«Мадам Баттерфляй»

1. Занавес поднимается

Я пишу эти слова. Последние слова в этой жизни. Пишу, зная, что все кончено: на сей раз возврата назад не будет. Ты разозлишься: «Как можно, сегодня ведь Рождество!» Ты и твои проклятые «приличия». Ты и твои чертовы манеры. Не понимаю, как я могла верить твоим лживым обещаниям. Слова, все больше слов и все меньше правды: таков сегодняшний мир.

Знаешь, а я сдержу слово. Это не пустой треп. Что, у тебя вдруг задрожала рука? Ты взмок?

А может, все ровно наоборот, и ты улыбаешься, читая мое письмо? Кто за всем этим стоит? Ты? Или твоя баба? Вы прислали мне записи опер? И все остальное? Впрочем, какая разница? Еще совсем недавно я бы душу прозакладывала, чтобы узнать, кто до такой степени меня ненавидит. Я не понимала, чем вызвала такую злобу, говорила себе: «Ты

сама во всем виновата!» Но теперь я так не думаю.

Кажется, я схожу с ума. Слетаю с катушек. Возможно, виноваты лекарства. Да какая разница, сил больше нет. Все кончено. Хватит. Кем бы ни был мой враг, он победил. Я совсем не сплю. Конец. Точка.

Я никогда не выйду замуж, не заведу детей. Это фраза из какого-то романа. Проклятие! Теперь я понимаю ее смысл. Конечно, я о многом жалею. Жизнь иногда делает нам щедрые подарки... чтобы потом укусить побольнее. У нас с тобой могло бы сложиться. Или не сложиться. Кто знает... Ну и ладно. Ты наверняка быстро меня забудешь, и я стану одним из тех досадных воспоминаний, которые человек заталкивает в самый дальний уголок мозга. Ты притворишься, что сожалеешь, скажешь своей нынешней: «Барышня она была депрессивная, шариков у нее в голове не хватало, но я не знал, что все настолько запущено...» И вы тут же заговорите о чем-нибудь другом. Будете смеяться. Займетесь любовью. Мне нет дела до тебя и твоей жалкой жизни. Я ухожу.

И ВСЕ-ТАКИ СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА.

На конверте не было ни марки, ни штемпеля. Ее имени – Кристина Штайнмайер – на нем тоже не было. Кто-то бросил письмо прямо в почтовый ящик. По ошибке... Ну конечно, произошла ошибка: письмо не имеет к ней никакого отношения. Она посмотрела на висящие на стене ящики: на каждом

имелась этикетка с фамилией жильца. Да, тот, кто доставил конверт, просто ошибся ящиком.

Это письмо предназначалось кому-то другому... другому жильцу дома.

У Кристины перехватило дыхание от неожиданной догадки: «*Неужели это то, что я думаю?..*» Господь милосердный! Женщина не без труда справилась с подступившей к горлу дурнотой и снова взглянула на сложенный вдвое листок с отпечатанным на машинке текстом: *в таком случае нужно обязательно кого-нибудь предупредить...* Да, нужно, но кого? Штайнмайер подумала о женщине, написавшей это послание, представила себе всю меру ее отчаяния и похолодела от ужаса: в этот самый момент несчастная, должно быть, уже... Кристина медленно перечитала последние строки, вдумываясь в каждое слово: «*Мне нет дела до тебя и твоей жалкой жизни. Я ухожу*». Никаких сомнений: это прощальное письмо самоубийцы.

Вот дерьмо...

Сегодня Рождество, а где-то в городе или неподалеку незнакомая женщина собирается свести счеты с жизнью – а может, уже сделала это... И никто, кроме Кристины, ничего не знает. Деваться от этого знания некуда, потому что человек, который должен был бы прочесть письмо сегодня вечером (не письмо – мольбу о помощи!), его не прочтет.

Розыгрыш. Ну конечно, это розыгрыш...

Она снова прочла первые строчки, ища признаки мисти-

фикации. Кому придет в голову так глупо шутить в вечер перед Рождеством? Только больному на всю голову. Мадемуазель Штайнмайер знала, что на свете много одиноких людей, которые терпеть не могут праздники, потому что в такие дни чувствуют себя еще более одинокими, но это не повод устраивать подобное безобразие. Кроме того, тон и содержание письма не показались ей фальшивыми, а отдельные детали наводили на мысль, что тот, кому оно адресовано, близко знаком с автором.

Будь в тексте хоть одно имя, она могла бы обойти всех соседей и спросить: «Вы знаете такого-то или такую-то?»

Сработал таймер, и холл погрузился в полумрак. Теперь тусклый свет проникал только с улицы, через двойную застекленную дверь из кованого железа. Кристина поежилась – ей вдруг показалось, что вот-вот появится человек, опустивший злосчастное письмо в ее ящик. На другой стороне улицы, в ярко освещенной витрине ремесленной булочной, покачивались сани Пера Ноэля⁷. Кристине было не по себе не только из-за письма: темнота всегда внушала ей страх – как бритва в руках психопата.

В этот момент завибрировал лежащий в кармане мобильник.

– Где ты застряла? – услышала женщина голос своего жениха.

---

⁷ Пер Ноэль – французский Дед Мороз.

Входная дверь захлопнулась у нее за спиной. Ледяной ветер взметнул в воздух концы шарфа, кинул в лицо колючую мокрую крупу. Снова пошел снег, устлав асфальт белым пушистым ковром. Она стояла на тротуаре, ища глазами машину Жеральда Ларше. Он заметил ее и включил фары.

В салоне вкусно пахло кожей, новым пластиком и мужским одеколоном. Ник Кейв⁸ пел «Jubilee Street». Кристина устроилась на сиденье могучего белого внедорожника, но дверцу закрывать не стала. Жеральд повернулся к ней, улыбнулся «особой», рождественской улыбкой и наклонился поцеловать. Легкое прикосновение серого шелкового шарфа, знакомый аромат тела пробудили желание.

– Готова к встрече с «мсье-раньше-все-было-лучше-чем-сегодня» и «мадам-почему-вы-ничего-не-едите-дорогая»? – спросил он, нацелив на нее телефон и нажав на кнопку камеры.

– Что ты делаешь? – спросила женщина.

– А ты не видишь? Снимаю тебя.

Его голос согрел ее, как глоток сладкого айриш-кофе, и она улыбнулась. Вот только улыбка вышла напряженная.

– Лучше взгляни вот на это. – Штайнмайер зажгла свет и протянула жениху листок и конверт.

– Мы вообще-то опаздываем, – заметил тот.

Тон у него был ласково-снисходительным и одновремен-

---

⁸ Ник Кейв (р. 1957) – австралийский рок-музыкант, поэт, писатель, автор музыки к фильмам, сценарист.

но твердым. В момент знакомства Кристину впечатлила не внешность Жеральда, а именно эта необычная смесь вкрадчивой мягкости и властной повадки.

– И все-таки взгляни, – попросила она.

– Где ты это нашла?

Тон Ларше был почти... неодобрительным, он как будто обвинял собеседницу за то, что она обнаружила конверт в...

– В почтовом ящике.

По его взгляду Кристина поняла, что он не только удивлен, но и раздосадован: этот человек не любил сюрпризов.

– Так что ты об этом думаешь? – спросила женщина.

Ее друг пожал плечами.

– Чья-то дурацкая шутка, что же еще?

– Не согласна. Тон письма кажется искренним.

Мужчина вздохнул, вернул очки на нос и начал перечитывать написанные на листе бумаги строки. В свете фар танцевали снежинки, мимо, прошуршав шинами по асфальту, проехала машина, и Кристине вдруг показалось, что они находятся на борту мрачного холодного батискафа и их сейчас занесет снегом. Она устремила взгляд на листок через плечо своего любимого. Слова складывались в мозгу в узор из снежинок.

– Значит, произошла ошибка, – сказал Жеральд. – Письмо предназначалось кому-то другому.

– Вот именно – другому.

– Мы поищем разгадку позже, а сейчас поедем, родители ждут, – веско произнес мужчина, гипнотизируя ее взглядом.

Да, да, да, конечно: твои родители... Рождество... Да какое все это имеет значение, если неизвестная женщина попробует убить себя сегодня вечером?

– Скажи честно, Жеральд, ты понимаешь, что это за письмо? – спросила мадемуазель Штайнмайер.

– Думаю, да... – нехотя ответил ее собеседник, сняв руки с руля. – Чего ты хочешь?

– Не знаю. У тебя есть идеи? Не можем же мы сделать вид, что ничего не произошло...

– Послушай меня, дорогая... – Снова эти осуждающие нотки! Ее друг как будто хотел сказать: *«Вечно ты вляпываешься в неприятности, Кристина»*. – У нас назначена встреча, первое свидание с моими родителями, мы уже и так на час опаздываем. Письмо может быть криком души – или глупой шуткой... Мы займемся этой историей, обещаю тебе, но не сейчас.

Жеральд говорил спокойно и рассудительно. Слишком рассудительно. Он всегда брал такой тон, когда бывал недоволен ею. В последнее время это случалось все чаще. *«Обрати внимание, какое потрясающее терпение я проявляю...»* – вот что имел в виду этот мужчина. Штайнмайер покачала головой:

– Если это призыв о помощи, он не будет услышан, потому что человек, которому адресовано письмо, не прочтет его,

а значит, кто-то *действительно* покончит с собой сегодня вечером. И в том, и в другом случае в курсе дела я одна.

– Какого дела?

– *Мы должны обратиться в полицию.*

Ларше закатил глаза:

– Письмо даже не подписано! На конверте нет адреса! Думаешь, в полиции обрадуются? Знаешь, сколько времени уйдет на составление протокола? Праздничного ужина мы точно лишимся!

– Праздничного ужина? Да как ты можешь! Речь идет о жизни и смерти человека!

Жеральд шумно вздохнул, и его подруга кожей почувствовала, как он раздражен.

– **ЧЕГО ТЫ ОТ МЕНЯ ХОЧЕШЬ, А?!** – рявкнул он. – Мы не сможем узнать, кто написал это письмо, **НИКАК** не сможем! Я уверен – это блеф чистой воды: человек на грани самоубийства оставляет записку на столе в собственной квартире, а не играет в «почту», понимаешь, Кристина? Эта мифоманка – несчастная одинокая женщина, ей не с кем отпраздновать Рождество, вот она и решила привлечь к себе внимание! Да, письмо – крик о помощи, но это не значит, что она перейдет от слов к делу!

– И ты предлагаешь есть как ни в чем не бывало за стол, есть, пить, веселиться и делать вид, что никакого письма не было?

Глаза Жеральда за стеклами очков недобро блеснули, и он

отвернулся от Кристины, как будто надеясь, что из метели вынырнет волшебник, который поможет ему переубедить ее.

– Не мучай меня, Кристина. Я не знаю, что делать! Сегодня ты знакомишься с моими родителями – только представь, как это будет выглядеть, если мы опоздаем на три часа!

– Ты рассуждаешь как эгоистичный кретин, который смотрит на тело самоубийцы на рельсах и думает: «Чертов придурок, другого места не нашел, теперь я опоздаю!»

– Ты назвала меня кретином? – глухим, прерывающимся от бешенства голосом спросил Жеральд.

Его лицо побелело, губы посинели, и Кристина испугалась.

«Черт, кажется, я перегнула палку...»

Она примиряющим жестом коснулась руки собеседника:

– Ну что ты, конечно, нет, прости! Мне правда очень жаль, забудь, ладно?

Ларше вздохнул, раздраженно хлопнул ладонями по рулю и задумался, а Штайнмайер вдруг почему-то подумала, что в салоне «Лендкрузера» слишком много кожи.

Жеральд издал еще один тяжкий вздох и спросил:

– Сколько квартир в твоём доме?

– Десять. По две на этаже.

– Вот что я предлагаю. Обойдем всех, покажем письмо; может, кто-то знает женщину, которая его написала.

– Ты правда хочешь это сделать?

– Да. Половина твоих соседей наверняка уехала на празд-

ники, так что много времени опрос не займет.

– А как же твои родители?

– Позвоню им, все объясню, скажу, что мы немного задержимся. Они поймут. Мы можем сузить поиск. Письмо написала женщина. Сколько у тебя соседей-мужчин?

Предыдущий владелец старого дома, в котором жила Штайнмайер, хотел выжать из своей собственности максимум дохода и произвел перепланировку: больших квартир имелось всего две – этажом ниже Кристины, а остальные были одно- и двухкомнатными.

– Двое, – ответила женщина.

– Тогда мы все провернем за несколько минут. Будем надеяться, что они празднуют Рождество дома.

«Он прав, – подумала Кристина. – Могла бы и сама сообщить...»

– Для очистки совести зайдём ко всем остальным, а потом сразу отправимся к родителям, – решил её друг.

– Но что, если мы ничего не выясним?

Жеральд посмотрел на неё, и она прочла ответ в его глазах: «Не зарывайся...»

– Я позвоню в полицию, пусть они решают, что предпринять. Больше мы ничего сделать не можем. Не будем портить праздник из-за чьей-то глупой шутки, – заявил он.

– Спасибо, что согласился помочь.

Ларше пожал плечами. Взглянув в зеркало заднего вида, он открыл дверцу и вышел на холод, оставив за собой шлейф

аромата дорогого одеколона.

21.21, 24 декабря. Пошел сильный снег, тучи затянули ночное небо, свет праздничной иллюминации отражался от белоснежного асфальта, а люди темными силуэтами неслись по тротуару, спеша доделать последние дела. Она переключила приемник на другую волну. Голоса ее коллег с «Радио 5» звучали так возбужденно, как будто сообщали о конце света или начале третьей мировой войны. Снег под колесами машин превращался в грязное месиво. Она проехала мост Помпиду и обогнула большое здание-ковчег медиатеки. Вокруг царило нетерпеливое возбуждение, водители жали на клаксоны, рычали двигатели, звучала брань... Жеральд тоже злился – но молча: они опаздывали уже на два часа.

Кристина вернулась мыслями к письму. К женщине, которая его написала.

Из их затеи ничего не вышло. Ее спутник оказался прав – дверь им открыли всего в двух квартирах. В первой жила семья из шести человек, родители и четверо детей. Малышня носилась по комнатам и так вопила, что Ларше едва не сорвал голос, перекрикивая их. Он показал супругам письмо и объяснил суть дела. Те не сразу поняли, чего он от них хочет – все их мысли были заняты приготовлениями к ужину, – а когда наконец они включились в происходящее, мадемуазель Штайнмайер перехватила подозрительный взгляд, которым жена одарила мужа. Впрочем, его изумление по-

казалось ей вполне искренним. Потом Жеральд с Кристиной пообщались с молодой парой, занимавшей одну из двух больших квартир. Муж держал на руках ребенка и обнимал за плечи беременную жену, и они выглядели очень дружными и счастливыми. «Интересно, мы будем такими же, когда поженимся? – подумала Кристина и тут же одернула себя: – Не будь идиоткой!» История с письмом явно потрясла обоих ее соседей. Молодая женщина воскликнула: «Господи, какой ужас!» – и едва не расплакалась.

По лестнице жених и невеста спускались молча.

Ларше не соизволил заговорить и в машине. Весь его вид – желваки на скулах, страдальчески сморщенный лоб – выдавал глухое недовольство поведением спутницы.

– Мы правильно поступили, – произнесла она с нажимом.

Жеральд не ответил. Он даже не кивнул, и Кристина разозлилась. Что за идиотская демонстрация? Что такого из ряда вон выходящего она совершила? Да они оба должны чувствовать себя виноватыми, потому что, скорее всего, не смогут спасти незнакомку, написавшую жуткое письмо! А может, дело вовсе не в письме? Женщина не могла не заметить, что Жеральд все чаще противоречит ей по любому поводу, спорит зло, «с сердцем», а потом неизменно спохватывается и пытается смягчить ситуацию улыбкой или шуткой. Он переменялся к ней, и случилось это после того, как прозвучало слово «женитьба».

Рождество. Наш первый праздничный ужин «в семейной обстановке», черт бы его побрал! Сегодня с его родителями, завтра с моими... Понравится ли им Жеральд? А они ему?.. Не дергайся, Жеральд нравится всем. Коллегам, студентам, друзьям, автомеханику и даже твоей собаке... Ты поняла это в вашу первую встречу. На приеме в Капитолии, так ведь? Помнишь, сколько там было шикарных красоток в дизайнерских туалетах? А он выбрал тебя! Жеральд пил ром со льдом и лаймом – кайпиринья, так называется этот коктейль⁹, – вид у него был рассеянный, но он тебя заметил и подошел. Ты его отшила, но он не сдался, сказал: «Ваш голос кажется мне знакомым... Где я мог его слышать?» Ты долго и нудно рассказывала о своей работе на «Радио 5», а он терпеливо слушал. Не делал вид, а действительно слушал... Ты пыталась блеснуть умом и оригинальностью, и из этого, само собой, ничего не вышло, но Жеральду все твои слова казались ужасно забавными и невероятно увлекательными.

Да, Жеральда любили все, но ее родители – не все. Ее родители – Ги и Клэр Дориан. Дорианы из телевизора... Подите понравьтесь людям, которые брали интервью у Артура Рубинштейна, Шагала, Сартра, Тино Росси, Генсбура и Биркин...

«Ты прекрасно знаешь, как все будет», – поддал жару

---

⁹ Кайпиринья – популярный бразильский алкогольный коктейль, который готовится из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара; при отсутствии кашасы ее можно заменить ромом.

ее вечный мучитель – внутренний голос. Кристина ненавидела этот «глас рассудка», но за много лет привыкла прислушиваться к нему. Папиной реакции можно не опасаться, его в целом свете интересует одно: он сам. Нелегко прозябать в неизвестности, если ты был первопроходцем телевидения и большую часть жизни провел «на экране». Он упивается ностальгическими воспоминаниями и заливает хандру спиртным, не заботясь о чувствах окружающих. «Ну и ладно! Нравится человеку портить себе остаток дней – на здоровье! – разозлилась вдруг мадемуазель Штайнмайер. – Свою жизнь я ему испортить не позволю!»

– Как ты? – спросил Жеральд.

Кристина расслышала в его голосе примирительные нотки и кивнула.

– Я понимаю твои чувства, – продолжил он. – Это письмо...

Женщина посмотрела на него и снова кивнула, подумав: «Ни черта ты не понимаешь...» Они остановились на светофоре, и взгляд Штайнмайер упал на рекламный постер на стенке автобусной остановки. Дольче и Габбана. Весь город заклеен такими же. Пятеро молодых крепких мужчин стоят над лежащей на земле женщиной. У них мускулистые, блестящие от пота тела. Прекрасные. Гиперсексуальные. Возбужденные. Один удерживает женщину за запястья. Она сопротивляется, хотя ее позу и выражение ли-

да можно трактовать как угодно. Сцена выстроена мастерски и не оставляет никаких сомнений в развязке. «*Грошовая провокация для зомбированных потребителей*», – подумала Кристина. Она где-то читала, что двое французов из троих опрошенных не способны распознать в рекламе сексистские стереотипы. Женщины, демонстрирующие свою красоту, свою безупречную внешность, женщины «для представительства»: общественное пространство заполнено женскими телами... Как-то раз Штайнмайер пригласила на передачу главу Ассоциации помощи женщинам в бедственном положении. Ей семь дней в неделю звонят избитые жены, женщины, которым мужа запрещают общаться даже с соседями (что уж говорить о других мужчинах!), несчастные, «наказанные» за пережаренное мясо или пересоленный суп, жертвы физического насилия, не имеющие доступа к банковскому счету, не смеющие обратиться к врачу... Те немногие, кто пересиливает страх и просит о помощи, смотрят на мир пустым затравленным взглядом.

В детстве Кристина сама была свидетельницей одной сцены... Именно поэтому она приглашала в эфир сильных, состоявшихся женщин: руководящих работников, общественных активисток, актрис, политиков, которые ни одному мужчине не позволяют диктовать им свою волю.

Ты уверена?

Ларше не обращал на свою спутницу ни малейшего внимания, уйдя в свои мысли. Кто же написал это роковое пись-

мо? Она обязана это узнать.

2. Партитура

Ей снилась женщина. Сон был неприятный. Ночь, луна, женщина стоит в центре темной тисовой аллеи, вроде тех, что ведут к кладбищу, а за ее спиной виднеются ворота, окаймленные двумя высокими каменными колоннами. Ночь снежная и очень холодная, но на женщине из всей одежды – только легкая ночная рубашка на бретельках. Кристина хочет войти на кладбище, но женщина преграждает ей дорогу и говорит: *«Вы ничего не сделали, вы бросили меня»*.

– Я пыталась, – жалобно произносит Штайнмайер. – Правда пыталась. Пропустите меня!

Она обходит женщину, но та поворачивает голову на сто восемьдесят градусов – немыслимо, невозможно! – чтобы проследить за ней взглядом, и ее глаза заполняет мрак. В небе летает огромная стая черных птиц, они издают пронзительные крики, женщина начинает смеяться, и ее жуткий истерический хохот будит Кристину. Сердце пускается в бешеный галоп, как сорвавшаяся с поводка лошадь.

Письмо...

Жаль, что оно осталось в машине – его нужно перечитать. Обдумать. Попробовать угадать, что за женщина могла написать такое. И главное – зачем. Голубой ночник на столике высвечивает кружок на потолке. Через приоткрытую дверь в комнату проникает свет из коридора. Она высовыва-

ет ногу из-под одеяла и понимает, что в спальне холодно, как в погребке. За окнами еще темно, но над городом уже поднимается шум уличного движения – машины, скутеры, грузовички поставщиков... Кристина смотрит на радиобудильник: 7.41... *Проклятие! Проспала!* Она откидывает одеяло, обводит взглядом пустую комнату, похожую на безликий гостиничный номер. Место для сна, не более того. Год назад она пришла посмотреть квартиру и мгновенно поняла, что жить хочет только здесь. Женщина сразу полюбила средневековые улочки старого, вошедшего в моду квартала с его ресторанчиками и бистро, магазином экопродуктов, прачечной самообслуживания, винным погребком и итальянской бакалеей. Цена у квартиры оказалась внушительной (высокие потолки, мраморный камин!), выплачивать кредит придется тридцать лет, но дело того стоило. Мадемуазель Штайнмайер каждое утро просыпалась с мыслью, что это было лучшее из всех решений, которые она принимала в жизни.

По паркету зацокали коготки Игги. Он запрыгнул на одеяло и прошествовал по кровати, чтобы лизнуть хозяйку розовым языком в щеку. Породой собака похвастаться не могла, но экстерьер у нее был очень даже симпатичный: густая палево-белая шерсть, остроконечные стоячие уши и большие круглые карие глаза – совсем как у знаменитого рок-певца, в честь которого она и была названа¹⁰. Пес пристально смот-

---

¹⁰ Игги Поп (р. 1947) – американский рок-вокалист, один из зачинателей и гуру альтернативного рока.

рел на хозяйку, ожидая ответной ласки. Кристина улыбнулась, погладила его по голове и встала.

Чтобы не замерзнуть, женщина натянула старую кашемировую водолазку и толстые шерстяные носки, после чего отправилась в совмещенную с кухней гостиную.

– Уж потерпите немножко, Ваше Мохнатое Высочество, – сказала она, выкладывая корм из банки в миску Игги, который пытался подлезть ей под руку и приступить к завтраку.

Обставлена комната была в минималистском стиле: старый кожаный диван, журнальный столик из «Икеи», рядом с камином – большая плазменная панель на деревянной подставке. Полностью оборудован был только кухонный уголок. В центре стоял гребной тренажер, а рядом на полу лежали гантели. Упражнялась Кристина по вечерам, во время просмотра какого-нибудь фильма. Сейчас на экране с выключенным звуком шла утренняя передача – хозяйка никогда не выключала телевизор на ночь. Перед камином высились стопки книг, газет и журналов. Штайнмайер работала на частной радиостанции «Радио 5», вела в будние дни утренний эфир с 9.00 до 11.00 (в субботу и воскресенье передача шла в записи). Двухчасовое «Утро с Кристиной» было таким салатом из новостей, музыки, игр и юмора, причем юмор медленно, но верно вытеснял информацию. До рождественского эфира оставалось меньше часа. Джон и Йоко порадуют слушателей своей знаменитой «Счастливого Рож-

дества» («Война окончена»), Джулиан Касабланкас¹¹ споев «Вот бы сегодня было Рождество», юмористы взбодрят публику более или менее удачными шутками, а потом штатный психолог поговорит об одиночестве, посоветует, как пережить «тяжелые» праздничные дни человеку, которого никто не позвал на торжественный ужин. Сочувствие – вещь необходимая, но перебарщивать не стоит – сегодня все-таки праздник...

Мысли Кристины были по-прежнему заняты письмом. Возможно, все-таки стоит с кем-нибудь посоветоваться. Она подружилась с Берковицем, который каждую среду приходит к ней на эфир (на этой неделе его выступление передвинули на сутки, приурочив к Рождеству): он был хорош, и рейтинг у него высокий.

Да, Берковиц выскажет профессиональное мнение о письме и посоветует, как поступить...

Все так, но он может упрекнуть ее за то, что она слишком долго ждала и ничего не сделала. Ни Кристина, ни Жеральд не обратились в полицию – она не могла окончательно испортить встречу с родителями жениха. Оказалось, что ее друг – улучшенная копия отца, хотя главные черты характера присутствовали у обоих: элегантность и солидность, самообладание, прямой теплый взгляд карих глаз, интеллигентная обольстительность, блестящий, хоть и несколько прямо-

---

¹¹ Джулиан Фернандо Касабланкас (р. 1978) – певец, вокалист и автор песен американской рок-группы The Strokes.

линейный ум. К недостаткам же этой «породы» Штайнмайер относила излишнюю серьезность и досадную убежденность во второстепенной роли женщин.

Женские гены в ее друге явно оказались слабее: мать Жеральда всегда и во всем соглашалась с мужем, чем Кристина и объясняла нетерпимость жениха к любому проявлению «инакомыслия», особенно со стороны будущей жены.

Родители жениха сделали ей кучу подарков: планшет, док-станцию, позволяющую подключать мобильный телефон к колонкам, «минуя» компьютер (гостью подозревала, что идея принадлежала будущему свекру: он, как и его сын, обожал всяческие высокотехнологичные гаджеты), и красивый свитер (этот подарок явно был от хозяйки дома). Они проявляли живейший интерес ко всем ее словам, а вот во взгляде Жеральда сквозил скепсис.

Он все еще не простил тебе разговор в машине... Впредь будешь осторожней...

Покормив Игги, Кристина прошла за стойку, налила себе кофе, стакан сока (смесь манго и пассифлора), намазала два шведских хлебца низкокалорийным маслом, села на высокий хай-течный стул и принялась за еду. Она обмакнула хлебец в чашку, и тут в ее голове снова зазвучал тонкий голосок: *«Ты глубоко заблуждаешься, если надеешься, что с твоими предками все обойдется так же легко, как с родителями Жеральда, тебе не стать Мадлен, Крис. Никогда не стать...»*

Рот женщины наполнился горечью, жесточайший спазм скрутил желудок...

«Детство... – продолжал ее “внутренний враг”, – длится недолго, но не проходит никогда – как хроническая болезнь. Душевная рана так и не затянулась, верно, Крис? Ты по-прежнему боишься наступления ночи... Ты, видевшая то, чего не должна была видеть...»

Стакан с соком разбился о кафельный пол, осколки разлетелись в разные стороны, мадемуазель Штайнмайер вздрогнула и едва не свалилась со стула.

Маленькая, сверкающая, как бриллиант, заноза впиалась ей в указательный палец. *«Нет, только не это!»* Кровь капала на пол, смешиваясь с лужицей сока, как гренадин в бокале с коктейлем. Сердце в груди затрепыхалось согнанной с гнезда птицей, рот мгновенно пересох, на лбу выступила испарина... *Дыши... Она не переносила вида крови... Дыши...* Берковиц научил ее методу абдоминального дыхания¹². Кристина закрыла глаза, втянула диафрагму, распрямила грудь и медленно выдохнула, после чего оторвала кусок бумажного полотенца и не глядя замотала порез. Потом взяла губку, подтерла пол и только после этого рискнула посмотреть на раненый палец.

И сразу об этом пожалела.

На неаккуратной повязке проступила кровь. Женщина

---

¹² Абдоминальное дыхание – метод релаксации, который способствует снятию психического напряжения.

нервно сглотнула. *«Скажи спасибо, что работаешь на радио, а не на телевидении...»*

Часы на стене.

8.03. *Шевелись!*

Штайнмайер прошла в ванную и разделась. Плафон на потолке противно мигал, предупреждая, что лампочка вот-вот перегорит. Самый короткий миг темноты уподоблялся порезу бритвой, причиняя физическое страдание. *«Фобии, фобии, фобии... – дразнящим тоном пропел внутренний голос. – Ты боишься не только крови, но и ночи, и темноты, иголок, уколов, боли... Кенофобия, никтофобия, альгофобия... У каждой свое красивенькое названьице. Но больше всего ты боишься безумия. Боишься, что “букет” фобий сведет тебя с ума. Психифобия, вот как это называется. Страх перед психическими заболеваниями...»* Ей удалось укротить свои страхи, загнать их в разумные рамки с помощью антидепрессантов и разнообразных терапий, но совсем они не исчезли. Затаились в дальнем уголке мозга, готовые при первой же возможности вылезти из этого укрытия. Кристина сжала зубы и посмотрелась в зеркало, дававшее немного искаженное изображение. Ну-с, что мы имеем? Тридцатилетняя женщина, шатенка, выбеленная прядь зачесана набок, над ушами волосы пострижены очень коротко. Зеленые глаза. Черты лица красивые, вот только выражение жестковато. Крошечные, едва заметные морщины в уголках глаз. А вот фигура как у двадцатилетней – узкие бедра, маленькая

грудь... Она вспомнила актрису, сыгравшую главную роль в одном шведском фильме. Лицо у нее было как печеное яблоко, а тело – молодое и упругое, с красивыми изгибами и округлостями.

Кристина встала под душ, горячие струи сняли напряжение, и она в который уже раз вернулась мыслями к письму и написавшей его женщине. Где эта несчастная сейчас? Чем занята? Дурное предчувствие и страх за незнакомку терзали внутренности Кристины, как поселившаяся под полом крыса.

Десять минут спустя она приласкала на прощание Игги и вылетела за порог, даже не высушив волосы.

– Добрый день, Кристина... – Это была Мишель, ее соседка по лестничной клетке.

Мадемуазель Штайнмайер повернулась к невзрачной, щуплой – пятьдесят кило, не больше! – женщине с тусклыми и слишком длинными для ее возраста волосами. Мишель была на пенсии. По манере держаться и говорить и по тому, как соседка смотрела на мир, Кристина предполагала, что раньше она была чиновницей Министерства образования. Выйдя на пенсию, Мишель стала активисткой нескольких ассоциаций по защите прав нелегальных иммигрантов и участвовала во всех демонстрациях протеста против «недостаточно левой» политики мэрии. Кристина не сомневалась, что пожилой соседке и другим «активисткам» не нравятся ее передачи: она приглашала к себе и профсоюзных деятелей, и капи-

танов индустрии, и сотрудников мэрии, и местных правых. Серьезные темы в эфире действительно обсуждались все реже.

– О чем собираетесь говорить сегодня? – хорошо поставленным голосом поинтересовалась строгая старая дама.

– О Рождестве, – ответила ей радиожурналистка. – И об одиночестве. Об одиноких людях, которые ненавидят праздники. Кстати, счастливого вам Рождества, Мишель.

Кристина тут же пожалела об этой попытке самооправдания. Соседка наградила ее неприветливым взглядом:

– Вам бы следовало провести репортаж из сквота на улице Профессёр-Жамм. Сходите туда и узнаете, как проводят Рождество семьи, не имеющие ни крыши над головой, ни будущего в нашей стране.

«Да пошла ты...» У этой пигмейки рот, как куриная гузка, но говорит она много лишнего!

– Обещаю, что обязательно приглашу вас на передачу и вы сможете высказаться, – бросила Штайнмайер и побежала вниз по лестнице, сочтя за лучшее не ждать лифта.

Морозный воздух улицы остудил ей лицо. Температура упала до – 5 °С, тротуары покрылись наледью, так что она едва не упала, сделав несколько шагов от подъезда. В воздухе пахло выхлопными газами и чем-то еще, тоже мерзким. Снег лежал на крышах припаркованных у обочины машин, на оконных ребордах и крышках мусорных баков. Но знакомый Кристине бездомный был здесь – сидел на привычном

месте среди своих коробок, прямо напротив ее дома. Даже в такую погоду этот человек предпочитал ночевать на улице, а не в приюте, рядом с собратьями по несчастью. Женщина заметила, что он смотрит на нее зоркими светлыми глазами, похожими на два бледных окошка. Его лицо напоминало дорожную карту. Жизнь на улице метила всех бездомных без исключения: налитые кровью глаза, шрамы, нервные тики, алкогольный тремор, выпавшие зубы, щеки, впалые от недоедания, чахотки или наркотиков, кожа, задубевшая от солнца, непогоды и грязи. У него была странная борода – белая по краям, черная в центре, – напоминавшая окрас старого лесного зверя. Определить, сколько ему лет, не было никакой возможности. Может, сорок пять, а может, и все шестьдесят... Кристина помнила, что появился он в их квартале весной и уже много месяцев спал под козырьком подъезда. Время от времени она приносила ему горячий кофе или суп. Этим утром времени у нее не было, но женщина все-таки подошла поздороваться.

– Доброе утро, – сказал бездомный. – Нежарко сегодня... Смотрите под ноги, берегитесь гололеда.

Он высвободил из груды одеял руку в черной митенке – пальцы и ногти у него были одного цвета – и взял у Кристины деньги.

– Выпейте чего-нибудь горячего, – сказала она.

Мужчина кивнул и посмотрел на нее пронизательным взглядом серых глаз, вздернув густые черные брови, от чего

лицо его превратилось в смешную «резиновую» маску:

– У вас все хорошо? Выглядите озабоченной... Работа, хлопоты, ответственность, так?

Штайнмайер улыбнулась и покачала головой. Человек но-
чует под открытым небом, все его имущество умещается
в несколько черных мешков для мусора, которые он таска-
ет за собой, как улитка свой домик, у него нет ни семьи,
ни крыши над головой, ни будущего – а он волнуется за со-
вершенно чужую женщину... Именно эта участливость боль-
ше всего поразила Кристину, когда она в первый раз подо-
шла дать незнакомцу денег. Они разговорились. Хорошо по-
ставленный голос и манера речи выдавали в бездомном об-
разованного и культурного человека. Он никогда не жало-
вался, часто улыбался и беседовал с нею о погоде и о проис-
ходящих в мире событиях, как с давней соседкой. Кристина
так и не решилась спросить, кто он, откуда и почему так жи-
вет, но пообещала себе, что непременно сделает это – если
он никуда не исчезнет...

– Почему бы вам не провести хоть несколько дней в при-
юте? – предложила она ему теперь.

– Вы ведь никогда не бывали ни в одном подобном заве-
дении? – Бездомный добродушно улыбнулся. – Не обижай-
тесь, но... подобные места не очень-то... сами понимаете.
Не тревожьтесь за меня, я вынослив, как старый койот. Луч-
шие времена вернутся, красавица моя, можете не сомневать-
ся.

– Тогда до вечера...

– Удачного дня!

Кристина пошла к машине, припаркованной на соседней улице (*держись за землю, не торопись, не то растянешься на тротуаре, как корова на льду, а тебе и без того забот хватает!*), открыла дверцу со стороны пассажирского кресла и достала из бардачка противообледенительный аэрозоль. Снега ночью выпало немного, так что кузов старенького «Сааба 9–3» можно было не чистить. Она обошла капот и на мгновение застыла, задохнувшись и беспомощно уронив руки. Кто-то написал на лобовом стекле:

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА,
ГРЯЗНАЯ ШЛЮХА.

Мадемуазель Штайнмайер вздрогнула и оглянулась. У нее закружилась голова, а горло сжалось от приступа панической атаки: злобный палец, оставивший след на снегу, принадлежал человеку, знавшему, что эта конкретная машина принадлежит женщине.

Она прыснула аэрозолем на стекло, стерла злобную фразу, убрала баллончик назад в бардачок и заперла дверцу. Ехать на работу на машине в такую погоду – себя не любить, лучше спуститься в метро.

Она опаздывала... Впервые за семь лет.

Впервые.

3. Хор

Здание, где располагалась радиостанция, стояло над аллеями Жана Жореса и выглядело куда скромнее своих соседей, надменных гигантов, раздраженно теснившихся вокруг «недомерка», провоцирующего окружающий мир задорным слоганом:

БЕРИТЕ ВЛАСТЬ, БЕРИТЕ СЛОВО.

На первом этаже, у лифтов, висели рекламные постеры, сообщавшие окружающим, что «Радио 5» – вторая по числу слушателей радиостанция региона Юг-Пиренеи, самого большого региона Франции, превосходящего по площади Бельгию и равного Дании (для наглядности приводилась карта Европы). Посетители сразу проникались важностью миссии работающих здесь людей. *Если миссия такая важная, почему за нее так мало платят?*

8.37. Кристина вышла из лифта на третьем этаже и, не заходя к себе, прошмыгнула в закуток-аквариум, где стояли кофейные автоматы и кулеры с водой. *«Если не вытью эспрессо макиато, работать не смогу».*

– Опа-а-здываем, – прошелестел голос у нее над ухом. – Поторопись, а то патрон вот-вот лопнет от злости.

Знакомый герленовский запах – «маленькое черное платье»... И физическое присутствие – слишком близко! – у нее

за спиной.

– Проспала... – объяснила Штайнмайер своей помощнице, окунув губы в шапку пены.

– М-м-м... Веселая была ночка? – хихикнула та.

– Корделия...

– Запретная тема?

– Угадала.

– Ух ты, какие мы загадочные! Я таких как ты еще не встречала, но со мною можешь не тихариться.

– С чего бы это?

– Мы уже десять месяцев работаем вместе, а я ничего о тебе не знаю. Ну, кроме того, что ты – настоящий профессионал и трудяга, жесткая, умная и амбициозная. Ты готова на все, чтобы забраться на самый верх, как и я. Я правда хочу...

Кристина резко повернулась и оказалась лицом к лицу с высоченной худой девушкой:

– Ты знаешь, что я могу тебя уволить?

– За что? – вскинула брови Корделия.

– За такие вот высказывания. Это называется преследованием.

– *Преследованием?* Господи Боже ты мой!

Молодая стажерка изобразила возмущенное удивление, приоткрыв рот и смешно оттопырив нижнюю губу, «украшенную» двумя стальными бусинками пирсинга.

– Мне девятнадцать! Я на стажировке! Получаю нищен-

скую зарплату! Ты же это не серьезно?!

– Ты мне не подружка, а ассистентка. В твоём возрасте я не вмешивалась в дела взрослых.

Кристина сделала упор на слове «*взрослых*».

– Времена меняются, детка. – Корделия наклонилась и, приобняв коллегу за плечо, опустила монетку в автомат и нажала на кнопку «капучино». Штайнмайер почувствовала на щеке чужое дыхание – от нахалки пахло кофе и табаком.

– Что ты сделала с волосами? – спросила она, торопливо допивая обжигающий эспрессо.

– Перекрасилась. Под тебя. Нравится?

С первого дня стажировки и до сих пор Корделия была платиновой блондинкой с отдельными черными прядями, носила за ухом сигарету, как делают дальнобойщики, густо красила ресницы и обожала майки с длинными рукавами и эпатажными надписями, вроде *Even the Paranoid Have Enemies*¹³.

– Это так важно? – поинтересовалась Кристина.

– Не представляешь, насколько, – ответила девушка и толкнула стеклянную дверь, пропуская вперед старшую коллегу.

– Ты на часы смотрела?

Гийомо – программный директор. Этот человек не просто работал на радио – он был на нем женат. Прежде чем стать программным директором, он женился на владелице «Ра-

---

¹³ Даже у параноиков есть враги (*англ.*).

дио 5», и она платила ему зарплату, что довело его до язвы желудка, которую Гийомо безуспешно лечил сукральфатом. Нервная работа стоила ему волос, поэтому он носил парик а-ля «Битлз» в версии 1963 года. Все незамужние женщины в возрасте от двадцати до шестидесяти находили его непривлекательным и даже слегка отталкивающим – такое чувство испытывают в комнате, которую давным-давно не проветривали. Гийомо производил впечатление человека, удрученно-го какой-то тайной печалью или тяжким бременем. Поддерживать на плаву радио, предлагающее вниманию слушателей не только популярные у подростков шлягеры, и отчитываться перед вышестоящим начальством, которому глубоко плевать и на контент, и на аудиторию, было ох как нелегко...

– И тебе счастливого Рождества, – на бегу ответила Кристина и нырнула в шумный лабиринт ньюсрума.

– Что у нас с обзором прессы? – с места в карьер поинтересовалась она у Илана. – Кстати, веселого Рождества!

– Веселого чего? – Илан улыбнулся и, не вставая из-за стола, кивнул на газетные вырезки, после чего перевел взгляд на электронное табло на стене. – Все готово. Ждали только тебя.

Кристина взяла маркер и ручку и быстро пробежала глазами подготовленный материал. Илан, как обычно, не подвел. «Отлично», – похвалила она его, читая статью из «Ла Паризьен» о родильном доме в Вифлееме, расположенном неподалеку от базилики Рождества Пресвятой Богородицы.

Именно в этой больнице, патронируемой католическим орденом, производили на свет детей 90 % палестинок мусульманского вероисповедания. Остальные сообщения были скорее курьезными. Английские лорды подвергли остракизму фуа-гра (музыкальное сопровождение «Боже, храни королеву» в исполнении Sex Pistols). Гигантский рождественский спид-дейтинг¹⁴ в Южной Корее («Интересно, что все эти холостяки просили у Пера Ноэля?»). В аэропорту Бланьяка из-за непогоды отменено около двадцати рейсов («Прежде чем выезжать из дома, свяжитесь со справочной авиакомпанией»).

– Филиалу «Народной помощи» грозит закрытие. Не интересуется? – рявкнул голос у нее за спиной.

Кристина крутанулась на кресле и увидела перед собой директора информационной службы Бекера. Невысокий (от силы метр шестьдесят), коренастый, мускулистый мужичок с «пивным» брюшком под коричневым свитером, лысеющий – но без парика. Подобно всем остальным радиожурналистам, Бекер считал себя аристократом профессии, носителем высокой миссии, а ведущих и дикторов – шутами, паяцами, массовиками-затейниками. Кроме того, он был убежденным сексистом и не брал в свою группу женщин.

– Привет, Бекер, поздравляю с Рождеством, – поздравила его Кристина.

---

¹⁴ Спид-дейтинг – формат мини-свиданий, организованных с целью познакомиться людей друг с другом.

– Скажи, Штайнмайер, тебе знакомы слова «солидарность», «обездоленность», «великодушие»? Или тебе интересней трепаться о предпраздничном шопинге и самых красивых яслях? – поинтересовался директор.

– Этот филиал находится в Конкарно, а не в Тулузе.

– Да неужели?! Так почему национальный телеканал показал о нем сюжет в выпуске новостей? Видимо, для твоей аудитории он недостаточно *забавный*... Я ничего не услышал ни о разрешении торговать лекарствами через Интернет... ни о полном запрете отпускать алкогольную продукцию лицам моложе двадцати пяти лет...

– Я счастлива, что ты слушаешь мои обзоры прессы.

– Ты называешь это обзорами? По-моему, это чистой воды балаган. Обзоры должны готовить настоящие журналисты. – Взгляд Бекера переместился с Кристины на Илана, а затем задержался на Корделии. – Главное на радио – информация, вот только все об этом забыли.

Язвительная тирада коллеги ничуть не задела Кристину. На «Радио 5», как и на всех радио- и телеканалах мира, отношения между информационной службой, программной дирекцией и ведущими всегда были напряженными – чтобы не сказать враждебными. Сотрудники поносили друг друга, презирали, публично оскорбляли... Чем быстрее наступал им на пятки Интернет, тем жарче разгорались конфликты.

Штайнмайер вздохнула, откинулась на спинку кресла и повернулась к своим помощникам:

– Ладно, начинаем. Все готовы?

– Какую отбивку ставим? – поинтересовался стоящий к ней спиной Илан. Кристина улыбнулась, заметив, что он надел «праздничную» кипу со смайликами – из солидарности с коллегами.

– «В Вифлееме родился не только Иисус», – ответила она.

Помощник энергично покивал в знак одобрения и кивнул на плотный конверт, лежавший на углу его стола:

– Кстати, это пришло для тебя.

Ведущая взглянула на письмо и открыла – не без опаски. Внутри оказался старый CD-диск – «Трубадур» Верди. Она терпеть не может оперу...

– Это, наверное, для Бруно, – сказала женщина.

Бруно был их музыкальным продюсером.

– С нами доктор Берковиц – невролог, психиатр, этолог¹⁵ и психоаналитик, автор множества научных трудов и справочных изданий. Приветствую вас, доктор. Сегодня мы будем говорить о тех, для кого Рождество – тяжелое испытание.

9.01, 25 декабря. Берковиц ждал вопросов Кристины – он был опытным профессионалом радиоэфира, специалистом в области общения. Со слушателями он говорил заинтересованно и авторитетно, не утомляя их назидательностью, но и не впадая в фамильярный тон. Берковиц умел – и это

---

¹⁵ Этолог – человек, изучающий врожденное поведение животных, в том числе человека.

было главным – установить доверительную связь практически с любым человеком, так что у того создавалось ощущение, будто выступающий сидит не в студии, а у него на кухне или в гостиной. Он был идеальным собеседником, и Кристина знала, что он недавно получил выгодное предложение от одного национального канала.

– Итак, доктор, снова наступило время праздников, – продолжала она. – Иллюминация, глаза детей и взрослых радостно сверкают. Объясните, почему в такие моменты мы всегда приходим в радостное возбуждение?

Вступительные фразы Берковица мадемуазель Штайнмайер слушала вполуха – он всегда начинал медленно, давая слушателям время привыкнуть к тембру своего голоса. «Рождество возвращает нас в детство», «Тот факт, что на всей планете миллиарды людей празднуют один и тот же праздник, невероятно возбуждает, внушает чувство единения», «Такое же чувство общности возникает на крупных спортивных мероприятиях и – как это ни ужасно – войнах»... Кристина машинально отметила для себя некоторую самодовольность в тоне психиатра, но это ее не волновало.

– А почему то, что дарит радость большинству из нас, для некоторых становится источником печали и причиной горестных раздумий? – задала она следующий вопрос.

А что, неплохо сформулировала...

– Здесь мы имеем дело с психологическим парадоксом: в праздники люди чувствуют особую близость с теми, кого

любят, с друзьями и родственниками, и это единение еще больше подчеркивает изолированность одиночек, – пояснил ее собеседник с точно выверенной долей участия в голосе. – Сегодня родственные отношения утратили прежнее значение: многие семьи разъединены не только по территориальному, но и по ценностному признаку. Некоторые мои пациенты начинают проявлять признаки нервозности за месяц до Рождества. Чем ближе праздник, тем выше напряжение. Не будем забывать, что в этот период все мы перевозбуждены: витрины магазинов сверкают, улицы украшены яркой рекламой, лампочки мигают, в воздухе пахнет хвоей и корицей... Адреналин выбрасывается в кровь литрами, будоража подсознание. Для человека, который не любит Рождество – будь то по причине одиночества, недавнего болезненного расставания с партнером, свежей утраты или банального отсутствия средств, – возбуждающие факторы становятся источником перманентного конфликта между общественной установкой на веселье и собственным самоощущением. В Рождество на поверхность всплывают не только счастливые воспоминания детства, но и все мрачные тени.

– Но нельзя же лечь спать двадцать третьего декабря и проснуться второго января! Так что же делать, чтобы не захлебнуться тоской и одиночеством?

– Во-первых, постараться найти себе компанию. Можно создать так называемую «заместительную» семью. Отпраздновать Рождество не с родными, а с друзьями или симпа-

тичными вам соседями. Близким людям наверняка захочется вас пригласить, так что не таитесь, скажите: «Я один...» – и отправляйтесь в гости. Можете проявить альтруизм и солидарность: вы почувствуете себя полезным, что наверняка принесет вам моральное удовлетворение. Благотворительные ассоциации, пункты раздачи еды, центры помощи бездомным всегда нуждаются в добровольных помощниках. Или есть еще одно решение – сменить обстановку. Уезжайте, если есть такая возможность, и переключитесь.

Уехать... Уехать и избежать встречи с родителями на рождественском ужине. Слова психиатра звучали очень веско, западая в подсознание слушателей (и в голову Кристины тоже), как монеты в церковную кружку для пожертвований.

– А что *мы* можем сделать для тех, у кого нет ни денег на рождественскую «вылазку», ни друзей, чтобы сесть с ними за стол, ни сил и здоровья на добровольческую работу? – спросила ведущая, и у нее внезапно перехватило горло.

Черт, да что с нею такое? Женщина из сна, что она ей сказала? *Вы ничего не сделали...*

За стеклом, отделяющим студию от эфирной аппаратной, режиссер Игорь, тридцатилетний бородач с длинной сальной шевелюрой, наклонился к микрофону:

– Прибавьте темпа, док.

Гость программы кивнул и повернулся к Кристине:

– Мы должны быть предельно внимательны к признакам

отчаяния... Одинокий сосед... Не поддающиеся объяснению фразы, которые могут быть зовом о помощи...

Вы меня бросили, повторяла женщина из сна ведущей.

Студия – четыре на четыре метра, стеклянная перегородка, отделяющая ее от аппаратной, другая, завешанная жалюзи, – от редакционного зала, ни одного окна, кондиционер – внезапно показалась Кристине душегубкой.

Берковиц продолжал вещать...

Глядя на нее...

Его узкие губы двигались. Но она не слышала ни единого слова.

В ее мыслях звучал другой голос.

Вы ничего не сделали.

– Десять секунд, – объявил Игорь.

Штайнмайер не заметила, что ее гость подвел итог и замолчал. Тридцатисекундная пауза. Ничто в масштабах суток или целой жизни. Вечность для слушателей. Игорь гипнотизировал ведущую через стекло, а Берковиц напоминал регбиста, ждущего, что партнер выйдет наконец из ступора, чтобы принять пас, и понимающего, что эта надежда тщетна.

– Э-э-э... спасибо, – произнесла Кристина. – Переходим... к вопросам слушателей.

9.21. Она покраснела и уставилась на экран своего компьютера. Недоумевающий Игорь дал отбивку. Лампочки всех трех телефонных линий нетерпеливо мигали, а кроме того, пришли и эсэмэски – аудитория рвалась в бой. Люди

могли звонить и оставлять сообщения или просить вывести их в прямой эфир. В последнем случае координатор должен был оценить качество связи, уместность вопроса и умение позвонившего выражать свои мысли и успеть набросать короткие комментарии для Кристины.

Она сразу выделила первый номер в списке. Тридцать шесть лет. Архитектор. Холост. «Умен, вопрос четко сформулирован, приятный тембр голоса, изъясняется понятно, говорит с легким акцентом: идеальная кандидатура», – таков был вердикт координатора. Штайнмайер решила оставить его «на закуску» и сделала Игорю знак вывести в эфир линию № 2.

– Итак, мы начинаем, – сказала она. – С нами Рен. Добрый день, Рен. Вы живете в Верниоле, вам сорок два года, и вы учительница.

Слушательница добавила несколько деталей своей биографии и задала вопрос. Психиатр немедленно включился в беседу с нею: он говорил убедительным и одновременно задушевным тоном, и Кристина в который уже раз подумала, что, когда Берковиц «пойдет на повышение», ей будет его не хватать.

Поговорив с Рен, специалист ответил на одну из эсэмэсок, а потом на вопрос Самии по третьей линии. Ведущая поблагодарила и дала слово Матиасу.

Номеру 1.

9.30.

– Тебя не беспокоит мысль о том, что ты оставила человека умирать?

На долю секунды женщина впала в ступор. Сильный низкий голос, вкрадчивая интонация... Таким тоном человек шепчет на ухо признания или угрозы. Опасный человек. Скользкий и увертливый... Кристине почему-то показалось, что неизвестный сидит в темноте. Она содрогнулась, и в голове у нее мелькнула жалкая мыслишка: «Брось, ты ослышалась, тебе померещилось...»

Нет, не померещилось.

– Ты рассуждаешь о солидарности, а сама позволила человеку убить себя в рождественский вечер. А ведь этот человек взывал о помощи, – продолжал позвонивший.

Мадемуазель Штайнмайер встретилась взглядом с психиатром. Он открыл было рот, но так ничего и не сказал.

– В чем... ваш... вопрос? – безжизненным, тусклым голосом спросила радиожурналистка. И куда только подевались ее фирменные чувственные нотки?

– Да что ты за человек?

На висках у Кристины выступила испарина. Игорь смотрел на нее, вытаращив от изумления глаза. В стекле отражалось ее перекошенное, оторопевшее лицо. Она знаком попросила отключить линию.

– Э-э-э... спасибо... Поблагодарим доктора Берковица за интересную беседу... Желаю всем вам счастливого Рождества.

В эфире зазвучала отбивка: «Намерение» Kings of Leon¹⁶. Ведущая откинулась на спинку кресла. Ей не хватало воздуха, кровь стыла у нее в жилах. Стены студии давили на нее, а слова незнакомца все еще звучали в мозгу.

Неожиданно Игорь гаркнул в микрофон:

– КТО-НИБУДЬ ОБЪЯСНИТ, ЧТО ЭТО БЫЛО? ЧЕРТ БЫ ТЕБЯ ПОБРАЛ, КРИСТИНА, ТЫ СПИШЬ ИЛИ КАК?!

– Ты должна была немедленно его вырубить, – укорил Кристину программный директор. – Сразу, как только он обратился к тебе на «ты». Вырубить, а не слушать весь этот бред.

Взгляд у Гийомо был недобрый. Его голос доносился до журналистки как через вату, словно ее мозг обили изнутри специальным звуконепропускаемым покрытием. Она могла включить и отключить микрофон простым нажатием кнопки, после чего звукорежиссер со своего пульта в аппаратной запустил бы музыку и рекламу, но что делать с шумом в голове?

– Что с тобой сегодня, Кристина? – обратилась к ней редактор Саломе. – Ты провалила эфир!

– О чем ты? – слабо отозвалась ведущая.

– Вела себя, как зеленый новичок... Пауза, *отсутствующо-*

---

¹⁶ Kings of Leon – американская рок-группа, играющая в стиле альтернативный рок.

щий вид! – Глаза редакторши за стеклами очков метали молнии. – Не забывай, дорогая, ты – лицо этой станции. Вернее, ее голос. Слушатели должны представлять себе веселую, жизнерадостную женщину... и очень профессиональную – *а не пофигистку с личными проблемами!*

Обидная несправедливость замечания «разбудила» Кристину:

– Ну, спасибо... Я, между прочим, семь лет делаю свою работу. И сегодня впервые допустила ошибку... А кстати, кто выпустил этого психа в эфир?

Саломе поджала губы, понимая, что за прокол придется отвечать.

– Могу я... послушать это еще раз? – спросила Штайнмайер.

Все эфиры записывались, месяц хранились в архиве и отсылались в Высший аудиовизуальный совет. Инциденты становились предметом разбирательства.

– Зачем? – вскинулся Игорь и энергично встряхнул головой, откидывая с лица длинные кудрявые волосы. – Что, скажи на милость, ты надеешься там разобрать?

Программный директор одарил Кристину подозрительным взглядом:

– Ты знаешь звонившего? Понимаешь, на что он намекал этими бреднями о самоубийстве?

Ведущая покачала головой, чувствуя, что все на нее смотрят.

– Его номер сохранился в компьютере, мы предупредили полицию, – сказала Саломе.

– И что они сделают? Арестуют за радиодомогательство? – съязвил Игорь. – Бросьте, это просто очередной псих! Как там говорил Одиар: «Благословенны безумные, ибо они несут свет».

– Я отношусь к случившемуся очень серьезно, – недовольным тоном произнес программный директор. – Это была рождественская программа, а какой-то придурок в прямом эфире обвинил нас в неоказании помощи потенциальным самоубийцам! И это слышали пятьсот тысяч человек!

– Жеральд?

– Крис? В чем дело, у тебя странный голос.

Она стояла у кофемашины, где никто не мог ее слышать. Тусклый луч зимнего солнца освещал коридор, отражаясь от стеклянной панели автомата. Выходя из студии, Кристина столкнулась с Бекером, он кивнул и наградил ее медоточивой улыбочкой, как будто и впрямь слушал эфир.

– Письмо у тебя? – спросила женщина своего жениха.

– Что-о-о? – В голосе Ларше явственно слышались удивление и досада. – Да... кажется...

– Где оно?

– Наверное, в бардачке. Господи, Крис, только не говори, что...

– Ты дома?

– Нет, на работе.

Секундное колебание, странный тон. Жеральд как будто собирался солгать, но в последний момент передумал. В мозгу Кристины прозвучал сигнал тревоги. Она научилась распознавать его мелкое вранье – как в тот раз, когда, решив записать фильм, обнаружила, что он накануне смотрел порнушку. Ларше тогда стал отпираться, но его подруга знала, что не ошиблась.

– На работе? – переспросила она. – Накануне Рождества?

– Я... У меня возникло срочное дело... Ты уверена, что все в порядке, Крис?

– Ты не забыл, что через два часа мы встречаемся с моими родителями?

В трубке прозвучал похожий на чих смешок:

– О таких вещах не забывают, дорогая...

4. Баритон

Щелк. Она не уверена. В том, что увидела. Мираж. Самовнушение. Факт? Щелк. Мозг работает как фотоаппарат. Щелк, одна деталь. Щелк, следующая. Щелк, вся сцена целиком. Все как в старых немых фильмах 20-х годов: камера в руках оператора дрожит, изображение на поцарапанной пленке мелькает, смещается вправо, влево, останавливается на...

...их руках.

По черному экрану воображения плывут строчки диалога: *«Видела их руки? Они лежали на столе рядом. Близко, даже слишком близко, когда ты открыла дверь... Что это значит?»* Она шла по пустынным коридорам Высшего института авиации и космического пространства, мурлыкая себе под нос *«Еду домой на Рождество»*, забытую песню Криса Ри, щеки ее горели от мороза, снежинки таяли на ее белой куртке... Толкнув дверь, она переступила порог:

– Привет...

Это прозвучало довольно глупо. Кристина удивилась, увидев Денизу, и сразу поняла, что аспирантка изумлена не меньше. Удивление читалось и на лице Жеральда. А потом Штайнмайер поймала краем глаза какое-то движение. Их руки... Левая рука ее жениха – загорелая, сильная – опирается о край стола. Рядом, совсем близко, правая рука Де-

низы – тонкая, изящная, с идеальным маникюром. Кристина не была уверена, кто из двоих убрал руку – она уловила только жест. Держались ли они за руки, когда она открыла дверь? Может, да, может, нет. Но оба смутились. «Это ни о чем не говорит!» – поспешил успокоить журналистку голос рассудка. Окажись она сама в подобной ситуации – тоже, как пить дать, испытала бы неловкость. Все так, но сослагательное наклонение не в счет. А эти двое все время держатся рядом – на вечеринке, на пикнике... И сегодня, в канун Рождества, они оказались наедине друг с другом в пустом здании, чего не должно было случиться. Кристина захотела сделать жениху сюрприз, и ее затея удалась. Еще как удалась!

– Привет, – сказала она.

Дальше – тишина.

Мадемуазель Штайнмайер почувствовала, что краснеет. Как будто это ее застукали на месте преступления. *«Тебя бросило в жар, но дело не в неловкости ситуации, просто на улице морозно, система обогрева в “Саабе” барахлит, а в помещении тепло».* Самогипноз не подействовал...

Между прочим, она постучала. Точно постучала. Висящие на стене часы показывают время: 12.21.

– Здравствуй, Кристина, – подала голос Дениза. – Как живаешь?

Имя у этой девицы было старомодным – но только имя. Ей было двадцать пять, она была невысокой и очень красивой, с безупречной белозубой улыбкой и отличными мозга-

ми. А еще у нее были удивительные глаза – восхитительно глубокого цвета, зеленые, как любимый коктейль Жеральда. Глаза цвета кайпиринья. Безо льда. Кристина делила всех женщин, окружавших ее друга, на три категории: безобидные, заинтересованные и опасные. Дениза выбивалась из общего ряда, она была в высшей степени заинтересованной, совершенно НЕ безобидной и очень опасной... *«Спрашиваешь, как дела? А ты как думаешь? Я застаю тебя наедине с моим будущим мужем в канун Рождества в пустом здании, где вам обоим совершенно нечего делать! Если б он сидел, ты наверняка оказалась бы у него на коленях и продолжила бы демонстрировать свое докторантское усердие, граничащее с благоговением. Так как же у меня дела?»*

Однако здравый смысл советовал не торопиться с выводами.

Ларше, конечно же, смотрит на вещи иначе – как и все остальные мужчины. Невеста бросила на него короткий взгляд, и он ответил ей той особенной улыбкой, которая всегда расслабляла, согревала и успокаивала ее. Всегда, но не сегодня. Сегодня улыбка этого мужчины напоминала рефлекторно сократившиеся мышцы лица, в ней чувствовалась нервозность. Или досада?

– Разве мы не должны были встретиться у твоих родителей? – спросил он.

Дениза, как по команде, отошла в сторону, слегка оттолкнувшись ладонями от стола:

– Ладно, мне пора. Работа может подождать до среды... счастливого Рождества, Кристина. Веселых праздников, Жеральд.

Даже голос у нее был безупречным. В меру низким, с легкой хрипотцой. Штайнмайер ответила на поздравление дежурной фразой, хотя в глубине души ничего хорошего этой девушке не желала. Она проводила взглядом ее изумительную попку в изумительно сидящих узких джинсах. Затем дверь за Денизой закрылась, и ее каблучки зацокали по пустым коридорам института к выходу.

– Ну что еще случилось? – спросил Ларше. – Никак не можешь забыть историю с письмом?

В его голосе явственно слышалось раздражение. В чем дело? Она нарушила его планы? *Прекрати...*

– Где оно? – спросила Кристина.

Ее друг вяло махнул рукой:

– Я же сказал – наверное, осталось в машине. Не знаю... Черт, Крис, не начинай!

– Много времени это не займет. Я отнесу письмо в комиссариат, и мы встретимся у моих родителей, как договаривались.

Жеральд смирился, взял пальто и шарф и лишь бросил в сердцах:

– Тебе не кажется, что ты перебарщиваешь?

– Что ты делаешь на работе в рождественский вечер? – не удержалась от вопроса Кристина.

– Что? А... нужно было решить небольшую проблему.

– И Дениза тебе в этом помогала? – съехидничала женщина, но сразу же пожалела об этом.

– На что ты намекаешь?

Тепло полностью исчезло из голоса ее жениха.

– Ни на что... – пошла на попятный радиожурналистка.

Ларше толкнул застекленную дверь, и они вышли на заснеженную парковку.

– Нет уж, договаривай, будь любезна! – Мужчина был зол. Он всегда гневался, когда его уличали в промашке.

– Дело не в намеках; мне просто не нравится, что она вертится вокруг тебя, – сказала Штайнмайер.

– Дениза вовсе не вертится вокруг меня, как ты изволила выразиться! Я ее научный руководитель. Она болеет душой за работу. *Как и я.* Уж кто-кто, а ты должна это понимать, ты ведь у нас тоже трудоголик, верно? Твой помощник, этот, как его... Илан, он ни на шаг от тебя не отходит, и, кстати, ты тоже сегодня работала. Или я ошибаюсь?

Аргументация Жеральда звучала вполне убедительно и в то же время слегка извращенно: надрыв в его голосе не соответствовал ситуации. Он открыл дверцу внедорожника, достал из бардачка конверт и протянул его Кристине. Порыв ледяного ветра растрепал его волосы, а снег залепил стекла очков.

– До скорого, – сухо бросил Жеральд и пошел назад в здание.

Кристина села в «Сааб». Машина успела остыть, и кожа сиденья леденила тело через плотную ткань джинсов. Женщина повернула ключ в зажигании, и в салоне заработали отопление и радио. Лу Рид¹⁷ пел о прекрасном дне. О да... Кристина зажгла фары, включила дворники, чтобы очистить лобовое стекло, и бросила взгляд на заднее сиденье, где лежали пакеты с подарками. Накануне, после работы, она долго ходила по магазинам, купила элегантное зимнее пальто для матери, сборник фильмов Кубрика для Жеральда, к которому в виде бонуса прилагалась книга «Архивы Стэнли Кубрика», и фривольный комплект белья для себя. Примеряя его в кабине перед зеркалом, она воображала реакцию жениха, улыбнулась и даже почувствовала некоторое возбуждение. Но теперь, после встречи с Денизой, эта идея показалась ей не слишком удачной.

Подарок отцу Кристина искала дольше всего. Два года подряд он получал дорогие ручки, так что в этот раз ее выбор в конце концов пал на планшет. А еще по просьбе матери журналистка купила устрицы, инжир, пармезан, рождественские хлебцы с изюмом и цукатами, сладкое белое вино для фуа-гра и «кофе для праздничного ужина». Кристина представила себе украшенный гирляндами дом, горящие свечи, яблоневые и дубовые поленья в камине, и к горлу у нее подступила тошнота, как случалось всякий раз при встрече с ро-

---

¹⁷ Льюис Алан Рид (1942–2013) – певец, гитарист, поэт, автор песен, рок-музыкант, основатель и лидер рок-группы The Velvet Underground.

дителями (в последние годы она навещала их все реже). Ее взгляд упал на машину Денизы – красно-белый «Мини» так и не покинул стоянку. *Господи, как кружится голова...*

Кристина повернула голову и взглянула на темные окна института.

Голосок-провокатор подзуживал: *«Подожди – и увидишь, как они выйдут вместе!»* Глас рассудка вопил: *«Оставь все как есть и убирайся отсюда немедленно!»* Штайнмайер подчинилась второму приказу и поехала к воротам по присыпанной снегом бетонной площадке. Тот же самый голос разума упрекнул ее в параноидальной подозрительности. Жених действительно не давал ей поводов для ревности. Да, Дениза так и вьется вокруг него, но она не первая и не последняя.

«Ты должна научиться доверять окружающим. Особенно ему».

Кристина прекрасно знала, почему так относится к людям: если тебя предал тот самый, единственный человек на свете, который не должен был так поступать ни при каких условиях, ты утрачиваешь доверие ко всем и ко всему. Да, все дело в той черной дыре, которая уже много лет поглощает свет ее жизни. Присутствие Денизы в кабинете Жеральда ничего не означает. Да, они были наедине, но на рабочем месте, а не в номере отеля и не в машине, спрятанной в гуще леса. *«Перестань бесноваться, они вместе работают! Твой мужчина не виноват в том, что его лучшая сотрудница чертовски хороша собой. Что у нее блестящий ум. Что*

она милая. И опасная...»

«Вранье, – вмешался голос, поселившийся в голове журналистки в те ужасные темные годы. – Не пудри себе мозги, милая моя. Видела их руки? Ты прекрасно знаешь, что дело не только в неумении доверять, так ведь? Ты просто снова боишься посмотреть правде в глаза».

– Почему вы обратились к нам только сейчас?

Лицо полицейского, беседовавшего с Кристиной, осталось невозмутимым. Непроницаемым. Он был совершенно спокоен, только пальцы его теребили галстук. Дешевый, дрянной. Женщина ответила не сразу:

– Письмо бросили в ящик в канун Рождества. Я... у меня была назначена встреча с родителями жениха. Первая, понимаете? Я не хотела опаздывать.

– Ясно. – Полицейский посмотрел на часы. – Сейчас четверть второго. Вы могли бы явиться в комиссариат пораньше.

– Я работаю на радио, у меня был утренний эфир. А потом я сорок минут ждала своей очереди.

На лице сыщика появился интерес:

– Чем вы занимаетесь на радио?

– Веду ток-шоу.

Мужчина улыбнулся:

– Я знал, что уже слышал ваш голос... Через полчаса у меня совещание, так что много времени я вам уделить не смогу.

Он начал перечитывать письмо, и Кристина спросила себя: «Интересно, он решил проявить большее усердие, потому что узнал, где я работаю, или дело в профессиональной добросовестности?»

– Что думаете? – спросила она, когда ее собеседник отложил листок.

Тот пожал плечами:

– Ничего. Я не мозговед. В любом случае, вчера вечером не было зарегистрировано ни одного самоубийства. Как и сегодня утром. Надеюсь, это вас утешит...

Полицейский произнес эти слова почти равнодушно, как если бы речь шла о взломе или краже сумочки.

– Письмо и вправду странное, – добавил он. – Что-то с ним не так.

– О чем вы?

– Не знаю... Наверное, все дело в тоне... Кто сейчас изъясняется подобным образом? Кто так зовет на помощь? Никто...

«Он прав», – подумала Кристина. Она и сама это почувствовала, когда в энный раз перечитывала текст. В нем было нечто странное, какая-то невысказанная угроза.

Полицейский не спускал с нее глаз.

– Что, если письмо попало в ваш почтовый ящик не случайно? – спросил он внезапно.

– Я не понимаю...

– Возможно, оно написано специально для вас?

Мадемуазель Штайнмайер похолодела.

– Абсурд... Я не понимаю, что хотела сказать эта женщина.

– Уверены? – Глазки инспектора выражали... Сомнение? Недоверие?

– Конечно!

– Хорошо. Кто-нибудь еще держал письмо в руках?

– Мой жених. Так вы этим займетесь?

– Посмотрим, что можно сделать. Как называется ваша передача?

Неужели этот тип флиртует с нею? Кольца у него на пальце нет...

– «Утро с Кристиной». На «Радио 5».

Сыщик кивнул:

– Да, конечно. Мне нравится эта станция.

5. Концертато¹⁸

– Расскажите нам, чем именно вы занимаетесь, Жеральд.

Голубые глаза матери Кристины выражали искренний интерес – совсем как в те времена, когда она вела передачу на Первом канале и брала интервью у «цвета нации». К ней в гости приходили актеры, политики, барды, философы, иногда (не слишком часто) комики... Реалити-шоу, этот телеаналог клоаки под открытым небом, придумали много позже.

Кристина смотрела на родителей. Ее идеальные предки. Сидят рядышком на диване, держатся за руки, как новобрачные, а ведь живут вместе уже сорок лет. Штайнмайеры идеальны. Во всем. В мельчайших деталях. Безупречный вкус в одежде. Изысканные вкусы в еде. Общие художественные пристрастия... Кристина уловила легкую неуверенность в голосе пустившегося в разъяснения жениха: он пытался говорить просто и ясно, но выходило скучно.

«Чего ты точно не ожидал, так это оказаться на некоем подобии телевизионной площадке: я виновата, нужно было предупредить. Что и говорить – сюрприз вышел на славу...» – думала радиожурналистка.

– Я понимаю, все это не слишком вам интересно, – заключил ее друг и покраснел. – Хотя дело, которым я занимаюсь,

---

¹⁸ Концертато – стиль, характерный для музыки эпохи барокко и подразумевающий «соревнование» групп оркестра, хоров и т. д.

по-настоящему... увлекательно, поверьте. Во всяком случае, для меня.

«Боже, Жеральд, и куда только подевалось твое чертовое чувство юмора?!»

Жених посмотрел на Кристину, ища поддержки, и она успела заметить снисходительную улыбку матери. О, как хорошо она знала и эту улыбку, и этот взгляд! Именно так двадцать лет назад мадам Штайнмайер смотрела на гостя, оказавшегося недостаточно харизматичным. Ее программа «Воскресенье на Первом» шла по последним дням недели и начиналась в 17.00. Позже, когда ее телевизионная карьера подошла к концу, она некоторое время руководила еженедельным журналом. Но с появлением Интернета печатное издание впало в кому: большинство читателей решили, что пишущие журналисты – продажные бездары, и всем стало казаться, что бесплатная трехстрочная информация или твит в 140 знаков – абсолютно достаточная порция интеллектуального корма.

– Нет-нет-нет! – нагло соврала Клэр Штайнмайер. – Ваш рассказ действительно увлек меня, я говорю совершенно искренне.

«Не доверяй людям, которые жонглируют словами действительно, искренне, честно» – эту науку Кристина восприняла именно от матери!

– Хотя скажу честно – поняла я далеко не все, – продолжала знаменитая телеведущая. – Почему бы тебе не пригла-

свить Жеральда к себе на эфир, дорогая?

«Зачем? – вздохнула про себя ее дочь. – *Чтобы усыпить слушателей? Нет, это было бы слишком жестоко...*»

А что же все это время делал ее отец? Улыбался, кивал и позволял всем присутствующим поддерживать разговор. Смотрел отсутствующим взглядом и думал о чем-то своем.

– Я... превосходное вино, – сказал друг Кристины.

– Совершенно с вами согласна. Знаешь, дорогой, Жеральд прав – твое вино просто восхитительно, – поддакнула ее мать.

– «Гран-Пи-Лакост» две тысячи пятого года, – последовал лаконичный ответ отца.

Он наклонился, чтобы долить вина в бокалы. *«Интересно, когда и как милый папочка заведет речь о Мадлен?»* – подумала Кристина. В том, что рано или поздно он это сделает, сомнений не было. Пусть даже вскользь, но с дрожью в голосе. Упоминание о ее сестре было таким же неизбежным, как рождественская индейка. Мадлен умерла девятнадцать лет назад, и с тех пор отец носил траур. Он был в вечном трауре – как профессиональный плакальщик. *«Ваша профессия? – Я был журналистом, писателем, работал на радио и телевидении, вы наверняка слышали о передаче “Большой Скандал”... – А чем занимаетесь сейчас? – Скорблю. Так и запишите – “он в трауре”»*... Посвященная ему статья в «Википедии» содержала следующие сведения: «Ги Дориан (настоящее имя Ги Штайнмайер), французский журналист и пи-

сатель, родился 3 июля 1948 года в Саррансе (Атлантические Пиренеи), двадцать лет вел самую известную во Франции ежедневную радиопередачу, запущенную в эфир в январе 1972 года и имевшую 6246 выпусков». Он беседовал с самыми знаменитыми артистами, политиками, спортсменами, писателями и учеными Франции, а также с тремя президентами – одним бывшим и двумя действующими. (Кристина помнила несколько имен – Брижит Бардо, Артур Рубинштейн, Шагал, Сартр...) Перешел на телевидение, где успешно работал до тех пор, пока рекламные агентства, покупавшие время на канале, не решили, что передача, куда ежевечерне приглашают одного человека и говорят о значимых, умных и даже *интимных* вещах, – слишком большая роскошь для прайм-тайма...

– Мы так рады, что познакомились с вами, – сказала Клэр. – Кристина очень много о вас рассказывала.

«Правда? И когда же это?» – мысленно хмыкнула ее дочка.

Ларше взглядом попросил ее о помощи:

– Да... Мы с нею тоже часто о вас говорили.

«Вранье чистой воды, и все это знают».

– И мы счастливы, что она наконец нашла себе ровню, – отозвалась старшая Штайнмайер.

«Боже, сжался надо мною!»

– Кристина из тех, кто знает, чего хочет, – произнес вдруг Ги.

«Ну вот, благородный отец вступил-таки в разговор...»

Родители повернули головы к журналистке, как пара идеально синхронизированных роботов.

– Именно поэтому мы так гордимся нашей дочерью, – подала свою реплику мадам Штайнмайер, но в ее взгляде читалась скорее попытка убедить себя саму в собственных словах. – Она решила пойти по нашим стопам и очень много работает, чтобы добиться успеха.

– Да, мы очень ею гордимся, – веским тоном произнес отец Кристины. – Мы всегда гордились *нашими* дочерьми.

– У Кристины есть сестра? – удивился Жеральд.

Началось... Его невеста сглотнула горькую слюну.

– Мадлен была старшей сестрой Кристины, – поспешил объяснить мсье Штайнмайер, и его голос прозвучал на удивление молодо. – С нею произошел... *несчастный случай*. Мэдди была невероятно разносторонней и исключительно талантливой девочкой... Кристине было нелегко жить в ее тени, но она справилась. Проявила негибаемую волю...

Зрительный образ – как яркая мучительная вспышка памяти. Лето 91-го. Дом семьи Боньё. Дружеская вечеринка у бассейна. Людей так много, и все лица такие знакомые, что из окна мансарды происходящее кажется телевизионной съемкой. Мадлен в центре внимания. Ей тринадцать, но выглядит она на все шестнадцать: высокая упругая грудь под майкой, крутые бедра и аппетитная попка в обтягивающих шортах. Мадлен разносит напитки, ей весело, она проверя-

ет – о, конечно, неосознанно! – как ее юные прелести действуют на либидо мужчин (Кристина не знала, действительно ли в *десять* лет воспринимала реальность именно так или же память услужливо воссоздала и интерпретировала ее под влиянием внешних обстоятельств). Сообразительная нимфетка изображала женщину, но повзрослеть этой Бэби Долл¹⁹ было не суждено.

Любое упоминание о старшей сестре так сильно расстраивало младшую, что лицо Мадлен расплывалось, ускользало из ее памяти. Вот старшая мадемуазель Штайнмайер ставит поднос на железный столик, медленно снимает джинсовую юбку, топик и являет себя публике: загорелые ноги, хрупкая фигурка в голубом бикини, на редкость зрелая для ее возраста грудь, провокативная невинность... Кристина видела (думала, что видела, представляла себе, воображала), как мужчины ласкают взглядом волнующее совершенство этого юного, не достигшего половой зрелости тела (*«В Иране в этом возрасте девочек выдают замуж...»* – произнесла в тот момент феминистка у нее в голове), пытаясь скрыть вождедение. Глаза собравшихся у бассейна мужчин затуманились, стали пустыми. Напряжение спало, только когда умопомрачительная «Лолита» сделала три легких шага к краю бассейна, подпрыгнула и оказалась в воде. Последовали взрыв аплодисментов, радостные восклицания и всеобщее облегчение. Дамы и господа: королева вечера! И не только се-

---

¹⁹ Имеется в виду героиня фильма *Baby Doll*/«Куклолка» (1956, реж. Э. Казан).

годняшнего. Мадлен оставалась королевой круглосуточно, двадцать четыре часа из двадцати четырех. А Кристине была уготована роль придворной дамы.

Она встретилась взглядом с Жеральдом и увидела в его глазах замешательство: *«Ты никогда не говорила, что у тебя была сестра... как и о том, что твои родители... Господи Боже ты мой... знаменитости...»*

Журналистка была благодарна ему за молчание.

– В детстве, – продолжала мадам Штайнмайер, – Кристина отчаянно пыталась сравняться с сестрой.

«О нет, только не ты, мама...»

Мадемуазель Штайнмайер издала нервный смешок. Ее отец не улыбнулся, не повернул головы и даже не поднял глаз от своих длинных пальцев.

– Она проявила невероятное упорство, когда отец учил ее плавать, – рассказывала Клэр. – Наша Кристина никогда не отступает. В детстве у нее перед глазами был образец для подражания, до которого не так просто было дотянуться...

Да, плавать ее научил отец. Он открыл для нее «Зов леса», «Двадцать тысяч лье под водой» и «Книгу джунглей», он начал водить ее в кино. Он всегда проявлял нежность и терпение (*«Ну что, обезьянка, поцелуешь меня, или ты только мамина девочка, а?»*), но любви ей доставалось *чуть-чуть меньше*, чем сестре. А его связь с Мадлен была проявлением чего-то большего. (*«Прекрати немедленно»*, – про-

изнес внутренний голос.) Однажды младшая дочь спросила Ги: «Ты меня любишь?» – это было в ее десятый день рождения. «Конечно люблю, обезьянка...» – ответил он. Кристина обожала это прозвище; ей нравилось, как отец произносит его своим низким телевизионным – узнаваемым – голосом и лучезарно улыбается. Она весело хихикала в ответ и... ежилась, потому что, обращаясь к ней, он никогда не добавлял слова «моя»... А вот старшую дочь он всегда называл «моя дорогая», «моя птичка», «мой солнечный лучик». Мадлен никогда не задавала ему вопроса о любви. Ей это было ни к чему. Она знала...

Отец Кристины свято верил, что делит отцовские чувства точно поровну между дочерьми («*Господи, старушка, умеешь же ты красиво говорить!*»), и ни за что бы не признался – даже себе самому! – что всегда больше любил Мэдди. Его младшая дочка инстинктивно понимала это своим детским умом.

Ирония заключалась в том, что из двух сестер больше была похожа на отца именно она, Кристина. Окружающие не раз говорили: «*У тебя его лицо, его глаза, его манера говорить, его...*»

– Черт, Кристина, ты должна была меня предупредить! – разорвался Жеральд в машине.

– Предупредить о чем? – удивилась его подруга.

Глаза ее спутника стали круглыми, как у кота.

– О том, что твои родители – знаменитости!

– Знаменитости? Да кто их сегодня помнит!

«Еще как помнят», – подал голос внутренний голос журналистки. С момента выхода в эфир последней родительской передачи прошло пятнадцать лет, но зрители все равно каждый год присылают «Дорианам» мешки писем. Медиаизвестность подобна раку – повсюду оставляет метастазы.

– Я помню! Помню, как возвращался из школы и находил мать у радиоприемника – она благоговейно внимала голосу твоего отца, беседовавшего с очередным политиком, артистом или высоколобым интеллектуалом, – стал рассказывать Ларше. – А какая потрясающая была заставка...

– Жорж Делерю²⁰, – нехотя произнесла Кристина.

– Да. – Ее жених напел несколько тактов.

«Клавесин, электроорган «Хэммонд», флейта, – вспомнила Штайнмайер. – Вечная мелодия, ключ к детству, музыкальный пароль».

– Ты понимаешь, что его передачи изменили наше видение мира? Сформировали взгляды целого поколения? – все никак не мог успокоиться Жеральд. – А твоя мать?! Знаешь, сколько раз я видел ее лицо на экране, когда был подростком? Почему ты не взяла их фамилию?

– Да потому, что не видела смысла менять настоящую

---

²⁰ Жорж Делерю (1925–1992) – французский композитор, написавший музыку к более чем 350 кино- и телефильмам, за что был назван изданием «Фигаро» «Моцартом кинотеатров».

на псевдоним! – огрызнулась Кристина.

– И все-таки ты должна была сказать...

– Ну извини, хотела сделать сюрприз.

– И преуспела. У тебя потрясающие родители. Неве-роят-ные... Идеальная пара. Мы вместе уже много месяцев, а ты ни разу даже словом о них не обмолвилась! Почему?

Хороший вопрос.

– Это не самая любимая тема... – вздохнула журналистка.

Черт бы все это побрал... Она заперла «Сааб» и пошла по заснеженной улице к дому, ступая осторожно, как космонавт, по кочковатой, изрытой ямами лунной поверхности. К горлу подступала тошнота, переполненный желудок готов был извергнуть из себя все деликатесы, съеденные за праздничным столом. *«В этом ежегодном обзоре есть нечто отвратительное...»*

Непристойное...

Такое же непристойное, как скорбь ее отца. Бывали моменты, когда Кристина смертельно ненавидела его за тот ко-кон траура, в который он себя заключил. Иногда ей хоте-лось крикнуть: *«Мы тоже ее потеряли! Мы тоже ее люби-ли! У тебя нет монополии на печаль!»* Ги уже перенес одну онкологическую операцию на слюнных железах. Следующая не за горами... Может ли человек убить себя посредством рака?

Мадемуазель Штайнмайер так разнервничалась, что суме-

ла набрать код домофона только со второй попытки. В холле было темно и так холодно, что ее пробрала дрожь. Она быстрым шагом прошла к почтовым ящикам и с некоторой опаской открыла свой. *Почты не было.* Кристина облегченно выдохнула, и тут заметила на решетке лифта табличку «Не работает». Чертыхнувшись, она пожала плечами: логичное завершение ужасного дня.

Женщина начала подниматься по лестнице. В доме было тихо, как в могиле. Когда свет на площадке третьего этажа погас, она остановилась перевести дух и услышала приглушенный звук телевизора и крики детей, доносившиеся из-за дверей чьей-то квартиры. Серый свет из слухового окошка освещал ступени, и Кристина пошла дальше.

Она чувствовала себя усталой и подавленной. Канун Рождества обернулся катастрофой – от начала и до конца.

«У тебя потрясающие родители. Невероятные... Идеальная пара!»

«*Бедный мой Жеральд, ты воистину умеешь рассме-шить!*»

На лестничной клетке было совершенно тихо, но Кристину это не удивило: ее соседка вела себя как мышка – до тех пор, пока не открывала рот, чтобы сказать очередную гадость...

Журналистке оставалось преодолеть две ступеньки, когда она почувствовала запах.

Фу, чем это воняет? На лестнице лежал старый вытертый

ковер, но от него пахло только пылью.

Сильный запах.

Аммиачный...

Кристина судорожно сглотнула. В воздухе воняло мочой. Только этого еще и не хватало! Она подошла к своей двери, и запах усилился. Какая мерзость... Зажгла свет, наклонилась, стараясь дышать ртом, и ее чуть не вырвало: низ двери был забрызган, из-под коврика вытекала лужа. Собачка не дотерпела? Но у соседки нет собаки. И она ненавидит «людей, которых собаки волнуют больше, чем судьбы человечества» («защитница людей» высказала эту инвективу в спину жиличке с верхнего этажа, когда та шла мимо них со своим пуделем). Может, этот пуделек и «проштрафился»? Такое случилось впервые, и хозяйке следовало бы убрать за псом... Кристина решила, что непременно все ей выскажет.

В квартире зазвонил телефон. Хозяйка стала судорожно шарить в сумке в поисках ключей, которые по закону подлости оказались на самом дне, под бумажными салфетками, наушниками, мятной жвачкой, ручками и помадой... Телефон продолжал звонить, настойчиво, нетерпеливо.

Наконец женщина отперла дверь, перешагнула через темное пятно на коврике, швырнула сумку на диванчик и сорвала трубку:

– Слушаю вас...

Из динамика донеслось размеренное дыхание.

– Слушаю, – повторила Штайнмайер.

– *Ты могла бы спасти несчастную женщину, Кристина...*

Но не сделала этого... А теперь слишком поздно.

Журналистка покачнулась. Мужской голос. Сердце ее затрепыхалось, как перепуганная птица.

– Кто говорит? – спросила она требовательно.

Человек молчал, но она узнала голос – теплый, низкий, слегка пришептывающий, с иностранным акцентом, – и ей снова показалось, что он доносится из темноты.

– Кто вы? – повторила женщина.

– *А ты знаешь, кто ты, Кристина? Кто ты на самом деле? Ты спрашивала себя об этом?*

Незнакомец называл ее по имени. Он ее знал! Штайнмайер вспомнила слова сыщика: «Что, если письмо бросили в ваш ящик не случайно?»

– Назовитесь, или я вызову полицию! – Она услышала страх в собственном голосе.

– *И что ты им скажешь?*

Угроза несколько его не встревожила, и этот наглый апломб усилил панику Кристины.

– Я сделала, что смогла: отнесла письмо в полицию.

«*Ну вот, ты уже оправдываешься...*»

– А вы, что вы...

«*Тебя не волнует, что ты бросила человека умирать?*» – зазвучали у нее в ушах слова, которые она услышала во время передачи.

– ...сделали? Откуда у вас мой номер телефона?

– *Тише, тише... Боюсь, ты сделала недостаточно. Думаю, ты могла бы сделать гораздо больше, но не захотела портить себе Рождество, я прав?*

– Немедленно скажите, кто вы, или...

«Болтаешь о солидарности – и дала женщине покончить с собой в канун Рождества».

– ...я повешу трубку. Что вам от меня нужно?

Кровь застучала в висках Штайнмайер, в голове у нее зашумело.

– *Тебе нравится эта игра, Кристина?* – поинтересовался ее неизвестный собеседник.

Она не ответила. О какой игре он говорит?

– *Ты слушаешь, Кристина?*

О да, она его слушает, вот только сказать ничего не может!

– *Так нравится или нет?.. Ничего не кончено. Игра только начинается.*

6. Солист

Сервас смотрел на пакет, пытался сглотнуть и не мог – горло мгновенно пересохло, затылок и грудь покалывало, как будто невидимый враг касался его тела когтистыми пальцами. Пакет был меньше предыдущего, и прислали его из Тулузы, но это, разумеется, ни о чем не говорило. Водонепроницаемой коробки внутри явно не было: не позволял размер упаковки – одиннадцать на девять сантиметров.

Отсутствовала и фамилия отправителя – на сей раз никакого господина Особы...

Мартен с сухим треском разорвал прозрачную упаковку. Он знал, что поступает неправильно: нужно было вызвать экспертов, чтобы те произвели все полагающиеся манипуляции и забрали посылку в лабораторию, но они ничего не нашли в прошлый раз, так что не найдут и теперь.

Коробочка из плотного жемчужно-серого картона была плотно закрыта крышкой. Майор взглянул в окно на заснеженный пейзаж, набрал в грудь воздуха и медленно открыл коробку, машинально отметив, что пальцы у него дрожат, как у законченного неврастеника. Он боялся увидеть *отрезанный палец, прядь волос или ухо*, но внутри лежал маленький белый пластиковый прямоугольник с красным логотипом в виде короны, ключа и букв «Т» и «В».

«Гранд-Отель Томас Вильсон» – гласила сделанная мел-

ким шрифтом надпись.

Электронный ключ... От гостиничного номера 117. И тонкий, сложенный вдвое листок на подложке из красного атласа. Сыщик развернул его и прочел:

Встречаемся завтра в номере 117.

Почерк круглый, изящный. Синие чернила... *Писала женщина?*

Мартен спросил себя, что за женщина могла позвать депрессивного полицейского на встречу в дорогой отель. Что это – любовное свидание? Скорее всего, зачем еще встречаться в отеле? Шарлен? Она дважды навещала его, пока он «выздоровливал» в центре. Шарлен Эсперандье была не только самой красивой женщиной из всех, кого он встречал в жизни, но и женой его подчиненного и лучшего друга. Четыре года назад они едва не совершили непоправимую ошибку. Шарлен была на седьмом месяце беременности, что ничуть не умаляло ее сексуальной привлекательности, и Сервасу стоило большого труда совладать с чувствами, но он справился и... стал крестным отцом ее малыша.

Потом в жизнь сыщика вернулась Марианна, и он забыл о несостоявшемся романе. Хотя... Да, он не мог не сознавать, что Шарлен не только нарушила покой и сон его «товарищей по несчастью», но и растревожила душу ему самому. Мартен понимал: все дело в его уязвимости, депрессии и одиночестве. Он чувствовал себя легкой добычей. А Шарлен не изменилась – была все такой же победительно краси-

вой и сексапильной.

И потерянной.

Неужели это она решила назначить ему свидание? Почему вдруг сейчас?

Или ключ символизирует что-то другое?

Майор взглянул на электронную карточку и поежился, вспомнив, что уже бывал в этом роскошном отеле на площади Вильсона – его группа вела там расследование. Он достал мобильный и набрал номер.

– «Гранд-Отель Томас Вильсон», – ответил ему женский голос на другом конце провода.

– Я хочу зарезервировать номер.

– Конечно, мсье. Стандартный, люкс или апартаменты?

– Сто семнадцатый.

На другом конце трубки повисла тишина.

– Когда вы хотите заселиться? – спросила наконец собеседница Мартена.

– Завтра.

– Минуточку... Сожалею, этот номер уже заказан. Но я могу предложить вам другой, ничуть не хуже...

– Нет, благодарю, мне нужен именно сто семнадцатый.

– Могу я узнать, почему вы так настаиваете? – В тоне портъе появились нотки сомнения. – Все наши номера одинаково хороши...

– Я же сказал – мне нужен именно номер сто семнадцать.

Пауза.

– В таком случае могу предложить одно: оставьте номер телефона, и, если бронь снимут, я немедленно сообщу вам, мсье...

Сыщик колебался. В конце концов, почему бы и нет?

– Сервас.

– Я правильно поняла – «Сервас»: С-Е-Р-В-А-С? – уточнила портье еще более растерянным голосом.

– Все верно. А в чем дело?

– Прошу прощения, но я совсем ничего не понимаю: дело в том, что номер сто семнадцать заказан именно на эту фамилию...

7. Вибрато

Ей снилось, что она бежит по лесу, а за ней гонится что-то ужасно страшное. Она не знает, что именно, но не сомневается: ей грозит смертельная опасность. Она замечает вдалеке, среди деревьев, старую ферму, прибавляет ходу и падает в снег в нескольких метрах от двери. Поднимает голову и видит на пороге отца. Он в майке, брюках с подтяжками и высоких резиновых сапогах. «Тебе письмо», – говорит он, бросает конверт на землю и захлопывает дверь. Она просыпается.

Страх. Испарина. Сердце колотится. *Бум-бум-бум...*

Кристина рывком села на кровати и открыла глаза и рот, пытаясь успокоиться. Пот тек у нее по лбу, подмышки и спина были мокрыми. Простыни тоже оказались влажными от пота. Бледное зимнее солнце просачивалось через жалюзи. Сколько она спала?

8.01.

Господи, не может быть, она снова не услышала будильник! Вкус во рту стоял омерзительный: накануне она приняла снотворное. Впервые за долгое время. И запила таблетку джином с тоником... Веки опухли, в глазах резь... Игги забрался на кровать и начал лизать хозяйку в щеку – песик жаждал получить утреннюю порцию ласки. Мадемуазель Штайнмайер машинальным жестом погладила собаку, пы-

таясь стряхнуть остатки неприятных воспоминаний: *рождественский ужин, звонок неизвестного в эфир передачи, гадкая лужа на коврике, телефонный разговор...*

Кристина напряженно вслушалась в тишину квартиры – как будто боялась обнаружить чужое присутствие.

Ничего. Только Игги исходит нетерпением. Добрые круглые глазки смотрят непонимающе, острый розовый язычок облизывает черную пуговку носа. Его хозяйка встала, прошла в ванную, где на полу кучей валялись футболки, скомканные простыни, трусики и влажные полотенца, налила в стаканчик воды из-под крана и выпила залпом. Плафон на потолке все так же противно мигал, нервируя ее. Она отправилась на кухню, налила кофе в большую пиалу, открыла холодильник и вдруг поняла, что совсем не хочет есть.

Моча на коврике...

Накануне ей не хватило мужества убрать грязь, она просто вошла в квартиру и заперла замок на два оборота. Нужно взять себя в руки...

Кристина вышла на площадку. Запах стал слабее. Проще всего будет выбросить коврик и купить новый. Сегодня вечером она отправит его прямо на помойку – не нести же *эту дрянь* в квартиру!

Внезапно женщине в голову пришла «неаппетитная» мысль: «*Что, если на половик написал вовсе НЕ пес?*» Телефон зазвонил в тот самый момент, когда она подошла к двери. *Это не совпадение...* Кто-то ее ждал, шпионил... Неуже-

ли тот же человек, что звонил на радио? Возможно ли, что он пришел и *помочился* на дверь? Журналистка вздрогнула и отступила назад. Липкая волна страха накрыла ее, как посттравматический синдром: вчера ее преследователь мог сидеть на лестнице этажом выше и ждать, когда она вернется! Она с опаской взглянула на двери лифта, протянула руку и нажала на кнопку. Из глубины шахты донеслись шум мотора и скрип тросов поднимающейся кабины...

Он ли вывел из строя лифт? Или она сходит с ума?

Радио...

Кристина потеряла счет времени. Она никогда не опаздывала на работу – ни разу за семь лет! – и вот проспала вчера, проспала сегодня...

Вернувшись в квартиру, женщина заперла дверь и отправилась под душ. *«Нужно сменить замок. Срочно. И поставить засов...»*

После душа Штайнмайер обернулась полотенцем, села к компьютеру и открыла сайт «Желтых страниц». Три первых слесаря ответили, что смогут прийти не раньше чем через две недели. Она посмотрела на часы. 8.25... *Давай, шевелись!*

– Сегодня вечером, в пять, устраивает? – спросил ее четвертый слесарь.

– Договорились.

Женщина продиктовала адрес и повесила трубку. Одевалась она «на четвертой скорости», а краситься и вовсе не стала.

Игги сидел перед дверью и весело постукивал хвостом по полу. У Кристины сжалось сердце. Накануне она тоже не успела вывести песика на прогулку, и Игги послушно сделал свои дела в лоток на газету. Вечером она просто побоялась выходить на улицу, и ее мохнатый любимец долго курсировал между комнатой и прихожей, не в силах поверить, что хозяйка может быть такой жестокой.

Она уже сутки не выгуливала собаку!

– Прости, дружок, – сказала Штайнмайер, погладив Игги по голове. – Мне правда очень жаль. Обещаю, сегодня вечером мы с тобой совершим долгую вылазку, договорились?

Питомец вопрошающе посмотрел на нее – он не понимал, за что его наказывают.

– Клянусь, мы будем бродить долго-долго... – пообещала его хозяйка.

Идея прогулки по пустынным улицам, где ее мог подкарауливать этот псих, наводила на нее ужас.

– Боже, Кристина, да что с тобой такое?!

– Прости, больше не повторится!

Она попыталась проскользнуть мимо Гийомо, но программный директор удержал ее за руку:

– Зайди в мой кабинет.

– Зачем? Мы уже опаздываем: до эфира двадцать минут!

– Плевать, мне необходимо кое-что тебе показать.

Тон начальника насторожил Кристину. Он пропустил ее

вперед и закрыл дверь. На стенах кабинета висели плакаты, восхваляющие достоинства «Радио 5», в углу, на тумбочке, булькала кофеварка, а на экране компьютера в режиме онлайн шли новости.

– Хочешь кофе? – предложил директор.

– А успеем? – засомневалась его подчиненная.

– Эспрессо или двойной?

– Черный, с одним куском сахара.

Гийомо поставил перед журналисткой чашку и сел в кресло. Скрестив пальцы, он посмотрел ей прямо в глаза.

– Я... извини за опоздание, – виновато вздохнула мадемуазель Штайнмайер.

Шеф отмахнулся и одарил ее милейшей из улыбок:

– Забудь, с кем не бывает... Сколько лет мы работаем вместе? Шесть? Или семь? По тебе всегда часы можно было проверять. Ты не гриппуешь? А то вокруг все болеют... Может, тебе нужна какая-нибудь помощь?

– Нет-нет, всё в порядке.

Мужчина удовлетворенно кивнул:

– Ну и слава богу... Тогда скажи, как идут дела?

Кристина уставилась на него, не понимала, чего он от нее добивается.

– Ну, не мне тебе объяснять, что такое радио, – начала рассказывать она. – Все более или менее нормально. А в чем, собственно, дело?

– Бекер тебя не донимает?

Ведущая не смогла сдержать улыбку:

– Бекер есть Бекер. Сам знаешь, какой у него характер.

Я справляюсь. Спасибо за кофе, но мне пора...

Программный директор не дал ей договорить: он открыл ящик стола, достал две упаковки лекарств и протянул ей.

– Что это? – удивилась женщина.

– Это ты мне скажи.

Кристина прочла названия лекарств – «Ксанакс» и «Флоксифрал». Сильнейший анксиолитик и антидепрессант, который прописывают при клинической депрессии и для лечения обсессивно-компульсивных расстройств. Тяжелая химия. Журналистка еще раз взглянула на коробочки и перевела недоумевающий взгляд на Гийомо:

– Я не понимаю...

– Ты уверена, что с тобой всё в порядке? В последние дни ты сама не своя... Ничего не хочешь мне рассказать?

Штайнмайер вспомнила о вчерашнем происшествии, о звонке неизвестного мужчины. Ей действительно хотелось с кем-нибудь поделиться, но уж точно не с Гийомо – ему она не доверяла ни на грош. Жеральд. Нужно все рассказать Жеральду.

– Извини, не стоило шарить по твоим ящикам... – продолжал тем временем ее начальник. – Но мне понадобился список приглашенных, и я наткнулся на... Может, все-таки поговорим?

– Ты хочешь сказать, что нашел это у меня в столе?!

Больше всего Гийомо теперь напоминал детектива из телесериала, ведущего допрос преступника, «пошедшего в от-каз»:

– Да ладно тебе, Кристина, мы же друзья... Ты можешь... Ведущая почувствовала, что заливается краской:

– Я понятия не имею, как эти лекарства попали в мой ящик! Наверно, кто-то ошибся комнатой... Они не мои!

Программный директор тяжело вздохнул:

– Слушай, девочка, у всех бывают плохие дни.

– Да говорю же, это – не мое! ПРОКЛЯТИЕ! Ну как тебе объяснить?

Кристина почти кричала. Гийомо смотрел на нее, вздернув брови, но сказать ничего не успел – она хлопнула дверью и направилась к себе, сопровождаемая взглядами всех сотрудников.

– Где ты была?! – набросился на нее Илан. – Видела, который час?!

– Заткнись, ладно?

– Летучка через пять минут, Кристина.

На сей раз Гийомо даже не посмотрел в ее сторону и исчез в своей комнате. Мадемуазель Штайнмайер скрипнула зубами и начала просматривать почту. Соображала она плохо – мысли были заняты большим ублюдком и тем, что он сказал. А еще тем, как наркотические препараты попали в ее ящик.

Женщина вздохнула, на секунду прикрыла глаза, потом

незаметно обвела взглядом коллег. Сидящий за соседним столом Илан был красным как рак. Он даже не смотрел в ее сторону, делая вид, что поглощен изучением свежих газет и журналов, но рука с зажатой в пальцах ручкой тряслась от злости.

– Нет, ты только послушай! – срывающимся голосом воскликнул Илан. – Молодая мать назвала сына, родившегося одиннадцатого сентября, *Джихадом!* А когда мальчик подрос и пошел в детский сад, одела его в футболку с надписью «Я родился 11 сентября, я – бомба!». Тут пишут, что этот товар свободно продается в магазинах и пользуется бешеным успехом... Трехлетний пацан, уму непостижимо! А знаешь, кто ему подарил эту чудную маечку? Родной дядя. Когда на семейку подали в суд, адвокатша заявила: *«Если бы моя клиентка хотела использовать своего трехлетнего сына как ходячую рекламу преступного деяния, она бы повела его в этой майке не в детский сад, где дети даже читать не умеют, а провезла бы в кабриолете по улицам города...»* Можешь себе представить? А что, воспитатели и родители тоже неграмотные?

На лице Илана появилась брезгливая гримаса, и он сокрушенно покачал головой. В кармане у Кристины зазвонил телефон, и она вздрогнула. Номер на экране не определялся.

– Слушаю... – поднесла она мобильник к уху.

– Кристина Штайнмайер?

Мужской голос – не тот, не вчерашний: никакого акцента,

более высокий, совсем не вкрадчивый.

– Да... – уклончиво ответила журналистка.

– Вас беспокоят из комиссариата полиции по поводу письма, которое вы принесли нам вчера.

«Почитатель» ее таланта ведущей сработал оперативно!

– Нам бы хотелось с вами побеседовать, – продолжал звонивший.

– Я... у меня эфир.

– Ничего страшного, приезжайте, как только освободитесь. Обратитесь к дежурному и спросите лейтенанта Больё.

Женщина поблагодарила и разъединилась. Заметив, что ей на почту пришел новый мейл, она кликнула мышкой, и на экране появилось слово ИГРА. Адрес отправителя – *malebolge@hell.com* – был ей незнаком, и она едва не отправила его сразу в корзину, но в последний момент ее внимание привлекла фраза:

ВЗГЛЯНИ-КА ВОТ НА ЭТО.

ЖЕРАЛЬД

Кристина нахмурилась. С чего это вдруг ее жених пишет не со своего адреса? Если это шутка, то неудачная.

Она нажала на клавишу.

На мониторе стали появляться фотографии в формате. jpg.

На первой была запечатлена терраса кафе. Посетители сидели за вынесенными на тротуар круглыми столиками, спиной к витрине: молодая пара, явно студенты, старая дама

с чихуа-хуа, поводок которого был привязан к ножке стола, мужчина в габардиновом плаще читает газету... Ни одного знакомого лица. Через две секунды на экране возник следующий снимок, и рот Кристины наполнился горькой слюной, а в мозгу у нее завывла сирена. Так бывает, когда на подводной лодке срабатывает радар. *Боевая тревога! Команде стоять по местам!* На фото были Жеральд и Дениза: лицом друг к другу, за столиком того же кафе. «*Торпедная атака!*» – истерически кричал радист в голове журналистки. Фотограф снял пару через плечо мужчины с газетой. Они склонились друг к другу, смотрели друг другу в глаза, смеялись... Сигнал тревоги не умолкал, а невидимый враг уже выпустил следующую торпеду. Позы парочки не изменились, оставляя место для сомнения, а значит, и для надежды, намерения обоих не были ясны. *Вот только Дениза прикасается к щеке Ларше рукой в перчатке, да что там прикасается – она ласкает его!*

Не самый уместный жест для аспирантки по отношению к научному руководителю... На четвертой фотографии Дениза смотрела в окно – как будто опасалась, что кто-то мог заметить ее движение.

На Кристину нахлынула волна злобной ненависти. Даже снятая с большого расстояния телеобъективом аспирантка выглядела невероятно молодой и фантастически красивой, а Жеральд казался совершенно очарованным. Да он просто ел ее глазами!

Ее милый женишок... ее будущий муж.

Мадемуазель Штайнмайер потеряла ладонями лицо, не позволив слезам пролиться из глаз. *Кто?* Кто и зачем сделал эти снимки? Кто их прислал? Какую цель он преследовал?

– Кристина... *Кристина...*

Она с трудом осознала, что Илан смотрит на нее, вытаращив от натуги и изумления глаза, и не может дозваться.

– Они тебя ждут! На летучку, – сообщил он, когда взгляд его коллеги стал более осмысленным.

Слава богу, что со своего места он не мог видеть ее экран! На последней фотографии Жеральд с Денизой выходили из кафе. Мерзавка держала его под руку, как собственного жениха, смеялась и что-то шептала ему на ухо. А на лице Ларше играла довольная фатоватая улыбка самца, завладевшего самой красивой девушкой на свете.

Грязный ублюдок...

Ведущая рывком отодвинула стул и кинулась в туалетную комнату. Провожаемая обалдевшим взглядом Илана, она ввалилась в «предбанник» и двумя руками толкнула дверь дамской комнаты, так что та шваркнула по сушилке. Слава богу, никого... Кристина влетела в кабину и наклонилась к унитазу, кашляя и икая, но ее так и не вырвало. *Ей было страшно...* Хотелось завить в голос, но она сдержалась. Что происходит? Кто прислал эти фотографии, кто ей звонил?!

В кармане джинсов завибрировал телефон... Новое сообщение.

НЕ ПЕРЕДУМАЛА ПОИГРАТЬ, КРИСТИНА?

Она едва не разбила смартфон о перегородку.

– ПОШЕЛ НА ХРЕН, ЧЕРТОВ ПСИХ!

Ее вопль эхом отразился от кафельных стен.

Снова он. Тип из телефона. Он испоганил ее коврик. Может, и надпись на ветровом стекле «*Счастливого Рождества, грязная шлюха*» сделал тоже он? Что нужно этому человеку? Почему он так на нее ополчился? Неужели все дело в том, что она недостаточно быстро отреагировала на письмо? Но как он узнал...

– Кристина... Кристина... что с тобою?

Голос Корделии. Штайнмайер вздрогнула и резко обернулась. Дылда-стажерка с тревогой смотрела на нее, моргая тяжелыми от черной туши ресницами. Кристина не слышала, как она вошла. Помощница положила руку ей на плечо, а другой рукой коснулась ее щеки. Ее взгляд выражал любопытство, нежность и озабоченность:

– Ты как? Что происходит?

Девушка притянула Кристину к себе. У той не было сил сопротивляться, и из груди у нее вырвалось глухое рыдание, а по щекам потекли слезы.

– Расскажи, что случилось... – Голос Корделии звучал тихо, убаюкивающе; от ее волос пахло духами и табаком. – Ты можешь мне довериться...

Так ли это? Мадемуазель Штайнмайер колебалась. Ей очень хотелось открыться кому-нибудь. Ассистентка обнимала ее, убаюкивала, а потом наклонилась и поцеловала в щеку:

– Я здесь, все хорошо, все хорошо...

Еще один поцелуй – в уголок рта... Корделия искала губами ее губы. Нашла... Кристина напряглась, чувствуя ловушку.

– ОТПУСТИ МЕНЯ!

Она резко оттолкнула от себя угловатое тело. Стажерка ударилась о стенку кабины, и на ее лице появилась хищная улыбка. Теперь на нем не было никаких следов нежности.

Неужели это она?..

Если да, засомневалась Штайнмайер, то что за мужчина донимает ее по телефону? Она побежала к двери, слыша за собой издевательский смех Корделии.

Кристина вошла в двери комиссариата полиции и... натолкнулась на стену. Стену гнева и недовольства. Стену печали. Стену безропотной покорности судьбе. Она вспомнила виденный когда-то давно фильм «Крылья желания», в котором ангелы выслушивают внутренние монологи людей, ища в них признаки красоты и смысла. Какой смысл, что за красоту смогли бы они отыскать здесь, кроме тотального отсутствия надежды?

Очередь тянулась от тамбура до стойки дежурного, и на-

роду в ней было больше, чем в зале ожидания вокзала. Люди старались не смотреть друг на друга, а если случайно встречались взглядами, то видели лишь ожесточение или растерянность. Лица всех присутствующих были помятыми, как использованные салфетки. Дежурный с трудом сдерживал напор осатаневших от ожидания посетителей. Какой-то тощий тип, явно только что выпущенный из-под ареста, вдевал шнурки в ботинки, стоя у лифта. Он поднял голову, и Кристина внутренне похолодела, встретившись с взглядом его бледно-голубых глаз. На стойке, свернувшись калачиком в пластиковой корзинке, спал дымчато-серый кот (журналистка уже видела его, когда была здесь в первый раз).

– У меня назначена встреча с лейтенантом Больё, – сказала она, когда подошла ее очередь.

Дежурная сняла трубку, даже не взглянув на нее, коротко с кем-то переговорила и кивком показала – «Налево!» – так и не подняв глаз. Кристина почувствовала себя ничтожной букашкой.

Она миновала турникет и поравнялась с неприятным тощим типом, который как раз закончил обуваться, разогнулся и уставился на нее линялыми глазками-бусинками. Мадемуазель Штайнмайер подумала, что охотно обошлась бы без подобного рода внимания. Тип и правда был премерзкий. Она заметила мелкие порезы у него на подбородке и у ушей, как будто он брился второпях или лезвие было тупым. Парень растянул губы в кривой плотоядной ухмылке, накло-

нился и прошептал:

– Эй, милашка, *у тебя голодный взгляд...*

Кристина отшатнулась, почувствовав запах дешевого одеколona и пота от давно не мытого тела.

– Что... Что вам нужно?

– Хочешь «познакомиться» с моим умелым пальчиком? Машина на стоянке, у меня есть сто евро и самый большой...

Женщина вздрогнула от отвращения и инстинктивным жестом проверила, до конца ли застегнуты пуговицы на ее блузке. У нее закружилась голова, и ее бросило в жар. Она оперлась ладонью о стену:

– Отвалите...

– Ну же, куколка, не говори, что не любишь делать всякие развратные штучки... – не унимался мерзавец.

– Оставьте меня в покое...

Происходящее напоминало кошмар наяву: этого типа наверняка задержали за сексуальные приставания, а он прямо в комиссариате нашел себе новую жертву – и в гробу видал всех полицейских! Двери лифта открылись, и вышедший из кабины мужчина в штатском прикрикнул на негодея:

– Пошел вон, Гектор! – Затем он посмотрел на журналистку. – Вы – Кристина Штайнмайер?

На вид ему было около тридцати. Карие глаза, густые вьющиеся волосы и несколько вялый подбородок... В прошлый раз она встречалась с другим полицейским. Впрочем, галстук у этого оказался таким же уродливым...

– Лейтенант Больё, – представился он. – Пойдемте со мной.

Он открыл магнитной карточкой двери лифта, они вошли в кабину, и Кристина отодвинулась к дальней стенке. Она чувствовала взгляд своего нового знакомого и пыталась держать себя в руках, не показывать, что это ее нервирует. Полицейский, судя по всему, считал, что беззастенчивое разглядывание людей является неотъемлемой прерогативой его профессии. Выглядел лейтенант паршиво: мешки под глазами и разочарованно-брезгливое выражение лица свидетельствовали о том, что сыщицкого азарта у него уже поубавилось.

Кабинет Больё находился на третьем этаже. Он снял со стула стопку бумаг, чтобы посетительница могла сесть, и ответил на телефонный звонок – разговор был коротким и односложным.

– Прошу меня извинить... – обратился он затем к радиожурналистке.

Сожаления в его тоне она не расслышала. Этот человек не моргая смотрел на нее круглыми, чуть навывкате глазами, намеренно выдерживая паузу, а потом спросил:

– Скажите, мадемуазель Штайнмайер, у вас в последнее время были какие-нибудь личные проблемы?

Вопрос застал ее врасплох.

– О чем вы? – не поняла женщина.

– Меня интересует, всё ли у вас в порядке.

– А какое отношение это имеет к делу? Меня ведь пригласили, чтобы поговорить о письме, верно?

– Именно так.

– Вот и давайте говорить о деле, а не о моей личной жизни. Больё одарил ее хмурым подозрительным взглядом:

– Что вы делали двадцать четвертого декабря? Были одна или с семьей?

– С моим женихом...

Лейтенант никак не отреагировал, и Кристина сочла нужным добавить:

– Мои родители пригласили нас на рождественский ужин.

Она поудобнее устроилась на стуле, лихорадочно сообщая, стоит ли говорить, что какой-то мужчина достает ее по телефону и о моче на коврике. *«Не лучшая твоя идея, милочка»*, – съязвил внутренний голос. Ее собеседник выглядел не слишком восприимчивым. Интересно, коллега рассказал ему, чем она занимается? Видимо, нет, хотя это вряд ли помогло бы...

– Очень хорошо. Давайте поговорим о письме, – продолжил полицейский. – Его бросили в ящик двадцать четвертого декабря, так?

– Да. Мы собирались на обед с родителями Жеральда, опаздывали, нервничали...

– Письмо было в конверте?

– Да. Я отдала его вашему...

– Моему коллеге, знаю. И вы не имеете ни малейшего

представления о том, кто мог его написать?

– Нет. Мы обошли соседей, потому что решили, что произошла ошибка и письмо предназначается одному из жильцов дома.

– Да, конечно. А что думает об истории с письмом ваш жених?

Кристина заколебалась – отвечать на этот вопрос ей не хотелось.

– Ему не очень улыбалось расспрашивать незнакомых людей в праздничный вечер.

Больё вздернул брови:

– Ммм?..

– Он не хотел еще больше опаздывать, – поспешила пояснить Штайнмайер.

– Понимаю... А в остальном между вами нет разногласий?

– Конечно, нет. К чему этот вопрос?

– Вы во всем согласны друг с другом? Никаких споров, никаких ссор?

– Я не понимаю, как это связано с письмом...

– Прошу вас, ответьте.

– Повторяю: у нас все в порядке. Мы скоро поженимся.

– Поздравляю! – Полицейский улыбнулся. – И когда же случится это радостное событие?

У Кристины появилось неприятное ощущение, что Больё расставляет ей ловушку. Но зачем?

– Точную дату пока не назначили.

Лейтенант многозначительно вздернул брови и кивнул с отсутствующим видом, как будто скоропостижно заболел раздвоением личности. Его собеседница тут же пожалела о своей откровенности: она ничего не знает об этом человеке, он может неправильно истолковать ее слова.

– Послушайте, – сказал он, помассировав веки, – ни двадцать четвертого, ни двадцать пятого, ни сегодня не было зарегистрировано ни одного самоубийства – что не может не радовать. Это почти подвиг, уж вы мне поверьте. В праздничные дни склонные к депрессии люди погружаются в безысходную тоску и нередко совершают непоправимое. Одиноким приходится нелегко.

Кристина могла бы ответить, что она вообще-то в курсе и даже сделала передачу на эту тему, но поостереглась перебивать полицейского. Пусть он доведет мысль до конца.

– Но в этом году – аллилуйя! – ничего, *niente*. Самоубийство – совсем не развлечение, уж я-то знаю! – заверил ее мужчина.

Журналистка почувствовала глубокое облегчение. Ни одного самоубийства... Просто груз с души свалился. Раз ничего не случилось, она ни в чем не виновата. Телефонному мучителю не за что ее обвинять.

– Так вы сумеете разыскать женщину, которая написала письмо? Возможно, она пока жива, но ее жизнь все еще в опасности. Я права? – спросила Штайнмайер.

– Ммм... Вы так думаете?

– Да. А вы не согласны? Я, конечно, не психолог, но...
письмо – не шутка и не розыгрыш.

Полицейский встрепнулся:

– С чего вы взяли?

– Не понимаю...

– Почему вам в голову пришла мысль о розыгрыше?

Кристина помрачнела:

– Не знаю... пришла, и всё.

– Вы считаете, что кто-то мог сочинить идиотское письмо и не поленился зайти в ваш дом, чтобы бросить письмо в ящик? – Большё развел руками. – Зачем кому-то так поступать? Вам не кажется, что это несколько... *странно*?

Кристина нахмурилась, различив в его голосе новые нотки.

– Наверное... не знаю. Я просто высказываю гипотезы.

– В таком случае, не логичнее ли будет предположить, что некто написал письмо, желая привлечь к себе внимание?

– Да, конечно, но одно не исключает другого.

– Некто – сознательно или неосознанно – хочет, чтобы о нем... или о *ней*... говорили, посылает сигнал бедствия...

Женщина напряглась. Она вдруг поняла, что лейтенант не просто отвлеченно рассуждает – он к чему-то ведет. Сужает круги и вот-вот выдаст истинную цель встречи.

– Мне жаль, – мужчина наклонился вперед и бросил на посетительницу внимательный взгляд исподлобья, – но ни на бумаге, ни на конверте мы не обнаружили никаких

отпечатков – кроме ваших. Каким печатающим устройством вы пользуетесь?

– Что-о-о?! Да о чем вы? Вы же не думаете, что...

– Скажите, мадемуазель Штайнмайер, свадьбу решил отложить ваш жених? Он хочет взять паузу? У него возникли сомнения? Он не заговаривал о... разрыве?

Кристине показалось, что она ослышалась:

– Конечно же, нет!

Лейтенант повысил голос:

– У вас уже были проблемы с психикой? Не лгите! Я легко могу это проверить.

Пол ушел из-под ног журналистки. Мерзавец с самого начала к этому подводил. Кретин, он считает, что письмо написала она! Принимает ее за психованную мифоманку!

– Вы намекаете на то, что я сама сочинила эту галиматью и потом принесла письмо в полицию? – уточнила женщина.

– Я ничего подобного не говорил. – Глаза сыщика блеснули, и он наклонился еще ближе. – Но, возможно, я угадал?

– Идите к черту! – Кристина оттолкнула стул и вскочила.

– Что вы сказали?! – Больё побагровел. – Я могу привлечь вас за оскорбление офицера при исполнении и...

– Проводите меня, – перебила его посетительница. – Нам больше не о чем говорить.

– Как вам будет угодно...

8. Мелодрама

Сервас вошел в украшенные гербом двери «Гранд-Отеля Томас Вильсон» ровно в 13.00 и направился по устланному коврами холлу к стойке портье. Отделанные деревянными панелями и кожей стены поражали воображение своей роскошью. Майор протянул администратору электронный ключ и показал полицейский жетон.

Девушка посмотрела на карточку, потом на Серваса и перевела взгляд на экран компьютера. Она была молодой и очень хорошенькой, и в вырезе ее белой блузки виднелось кружево лифчика.

– Все верно, – сказала она, – но этот ключ деактивирован: сегодня утром в сто семнадцатый номер заселился постоялец. Где вы его нашли?

– У вас часто исчезают ключи? – спросил сыщик.

– Случается... – Администратор многозначительно поджала губы. – Их теряют, крадут, забывают вернуть, прежде чем сесть в самолет и улететь в Китай...

– Номер заказан на сегодня?

Красавица снова сверилась с компьютером:

– Да.

– Для кого?

– Не уверена, что имею право...

– Я сам назову фамилию – Сервас, так?

Девушка кивнула.

– Когда забронировали номер? – задал Мартен следующий вопрос.

– Три дня назад, на интернет-сайте нашего отеля.

Полицейский уставился на собеседницу с жадным нетерпением, как наркоман на дилера:

– У вас есть электронный адрес и номер банковской карты заказчика?

– Конечно. И номер телефона.

– Можете сделать распечатку?

– Ну... придется получить разрешение управляющего.

Администратор сняла трубку, и через две минуты появился высокий мужчина в круглых очках с крашеными в золотисто-каштановый цвет волосами и седыми висками. Он церемонно пожал Мартену руку и спросил:

– Чем могу быть полезен?

Сервас задумался. Он в отпуске по болезни и не имеет права находиться здесь. Ордера у него нет, так что вопросы его неуместны.

– Я провожу расследование, – сказал он наконец. – Речь идет о «краже» личности. Кто-то забронировал номер в вашем отеле на имя человека, не проинформировав его об этом, а также совершил несколько противоправных действий – от его имени и с использованием его банковской карты... Я попросил вашу сотрудницу сделать копию документов о бронировании.

– Понимаю... – кивнул управляющий. – Не вижу препятствий.

Затем он повернулся к девушке:

– Марджори...

Та мгновенно исполнила приказ, а ее начальник, проглядев распечатанный листок, отдал его майору, заметившему легкую тень недовольства на его лице.

– Вот... держите...

– Благодарю. Скажите, в этом номере, сто семнадцатом, есть что-то особенное? – продолжил расспросы сыщик.

Служащие отеля переглянулись, и он насторожился.

– Как вам сказать... – Управляющий откашлялся. – Э-э-э... год назад в этом номере действительно кое-что случилось... – Он нервным движением потер лоб и закончил: – *Там покончила с собой женщина...*

Он так разнервничался, что перешел на гнусавый срывающийся фальцет, попытался взять себя в руки и продолжил шелестящим шепотом:

– Это было ужасно... чудовищно... Она... Она... в общем, сначала она... гм... гм... разбила все зеркала в ванной... и в комнате, а потом... потом вскрыла себе вены и... попыталась... – его голос звучал еле слышно, – *вспороть живот осколком зеркала, не сумела, и тогда перерезала себе горло.*

Он огляделся, надеясь, что сидевшие поблизости в креслах мужчины в дорогих костюмах не слышали этого ужа-

са. Кровь запульсировала у Мартена в ушах, и в памяти у него всплыл образ из сна: женщина, деревянный стол, голая «выпотрошенная» Марианна... На него накатила дурнота... Страх молоточками стучал под черепом – его старый недруг, ледяной ужас.

– Я могу посмотреть этот номер? – Его собственный голос тоже звучал не слишком уверенно. Управляющий кивнул, протянул руку, и портье подала ему электронную пластиковую карточку – точную копию той, что прислали Сервасу.

– Следуйте за мной.

Свет в кабине лифта был тусклым, но сыщик заметил, что лоб его спутника покрылся бисеринками пота у основания волос. Он тяжело дышал и то и дело бросал взгляд на своего двойника в зеркале. Двери открылись, и они пошли по устланному ковром коридору.

– Это *платиновый* номер, – сообщил полицейскому его провожатый, – тридцать два квадратных метра, двуспальная кровать, экран жидкокристаллический, пятьдесят каналов, мини-бар, сейф, кофемашина, халат, тапочки, бесплатные ADSL и Wi-Fi, двухместная ванна...

Бедняга говорил, ни на секунду не закрывая рта, чтобы не думать о визите в «нехороший номер». «Он вряд ли часто заходит в сто семнадцатый, – подумал майор. – Нужно спросить, кто нашел тело».

– Вы помните имя той женщины? – поинтересовался по-

лицейский.

– Разве такое забудешь? Селия Яблонка. Художница...

Мартен уже слышал это имя, а может, где-то читал о носившей его женщине. Ну конечно, год назад, в газетах! Уголовная полиция самоубийствами не занимается, эти дела находятся в юрисдикции Службы общественной безопасности, но способ, которым молодая женщина свела счеты с жизнью, привлек к этому случаю всеобщее внимание.

Управляющий остановился перед дверью и вставил магнитный ключ в массивный золоченый замок. В номере пахло, как во всех отелях класса люкс, цветочной отдушкой, чистящим средством и накрахмаленным бельем. В коридорном шкафу, на плечиках, висели два белых махровых халата. Дверь в ванную была приоткрыта. *Комната...* Наборный паркет, стены отделаны панелями красного дерева, маленькие хромированные лампы рассеивают мягкий свет на огромную кровать с доходящим до потолка изголовьем из серебристых стеганых ромбов. Ярко-красные подушки, большие и маленькие, служат контрапунктом декора, выдержанного в пастельных тонах.

Безвкусная стилизация...

...и такое впечатление, что находишься внутри конфетной коробки, где в два ряда уложено пралине.

Тишина. Только управляющий тяжело дышит в спину. Двойное витражное стекло и толстые стены приглушают шум находящейся внизу круглой площади. За окном,

не до конца задернутым темными шторами, кружатся белые пушистые хлопья. Сервас не мог припомнить подобного снегопада в Тулузе.

– Покажите, какие зеркала она разбила, – попросил сыщик. – И в какой позе лежала. А еще опишите, что именно она с собой сделала.

– Конечно... – прошелестел сотрудник отеля.

Свет ламп отражался в стеклах его очков, и сыщик не мог уловить выражения глаз этого человека. Затем управляющий щелкнул выключателем ванной, и Мартен увидел двойную раковину, блестящие хромированные краны, корзинку с кусочками мыла и бутылочками шампуня и аккуратно сложенные чистые полотенца. Их лица – ослепленные, изумленные, глупые – отразились в большом зеркале.

– Вот это зеркало, – сказал служащий отеля. – Повсюду валялись осколки... и кровь... чистый ужас... Раковина, ванна, пол, стены – все было забрызгано кровью. Невыносимое зрелище. Но нашли ее не здесь...

Он повел Серваса в комнату и продолжил рассказывать:

– Это она тоже разбила.

Второе зеркало висело напротив кровати, над столом, где стояли поднос с электрическим чайником и лампа, а на углу лежали бумага для писем и конверты. Внизу был оборудован мини-бар.

– Она лежала на кровати со сложенными на груди руками... – Управляющий выдохнул, как ныряльщик перед

прыжком, и уточнил: – Голая.

Мартен промолчал. У него в мозгу свистел ледяной «польский» ветер и выли волки. Кровь на снегу, хижина в ночи... Он сглотнул и почувствовал, как подгибаются ноги. *Он не готов...* Еще слишком рано.

– Кто ее нашел? – задал Сервас очередной вопрос. – Вы?

Управляющий удивился смятению в его голосе: «До чего впечатлительные пошли легавые!» Они на мгновение встретились взглядом, и служащий ответил:

– Нет. Коридорный. Дверь номера была приоткрыта, так что музыка разносилась по всему этажу... Ему это показалось странным, он вошел, окликнул. Никто не ответил... а музыка все гремела... *оперная...*

Последнее слово прозвучало, как грязное ругательство.

– Оперная? – переспросил майор.

– Да. Диск нашли на кровати рядом с ней. Знаете какой? «Волшебный корабль» Рихарда Вагнера. Там героиня, молодая женщина по имени Сента, бросается со скалы... Убивает себя, – на всякий случай уточнил мужчина.

«Насмотрелся боевиков и считает всех полицейских тупицами», – понял сыщик.

Музыка в номере отеля. Музыка в Институте психиатрии четыре года назад. Сервас почувствовал, как ёкнуло и тяжело забилось его сердце.

– Бедный парень подошел ближе... и сначала увидел ступни ног... – Речь управляющего стала сбивчивой, как будто он

влез в шкуру невезучего коридорного. – Потом колени, бедра, развороченный живот... Женщина нанесла себе несколько ударов, но ни один жизненно важный орган не поранила. Он шагнул вперед и заметил вскрытые вены и перерезанное горло... острый осколок остался торчать у нее в шее.

Полицейский смотрел на пустую кровать, пытаясь реконструировать страшную сцену. Чудовищные раны на животе, запястьях и шее. Смертоносный осколок зеркала. Оперная ария взрывает барабанные перепонки. Снятся ли коридорному кошмары? Наверняка...

– Тот человек по-прежнему работает у вас? – спросил Мартен, отгоняя нарисованную его воображением картину.

– Нет. Уволился. Просто не пришел на следующий день. Мы больше никогда его не видели. Выгонять парня за прогул никто не собирался... учитывая обстоятельства, но несколько недель спустя он прислал заявление – по электронной почте.

– А вы-то сами видели покойную?

– Д-д-да... видел. Он меня вызвал.

Больше управляющий ничего не сказал, и Сервас не стал настаивать: он узнает детали у коллег своего собеседника.

– Я не вижу в номере MP3-плеера, – сменил он тему разговора.

– Его действительно нет.

– Хотите сказать, она принесла плеер с собой? Чтобы включить на полную мощность – в качестве музыкального

сопровождения самоубийства?

– Думаю, она хотела умереть именно под эту арию, – «сыщицким» тоном произнес управляющий. – А вообще, кто знает, что там варилось в ее бедной голове...

– Так почему было не свести счета с жизнью дома?

«*Вы полицейский, не я, вот и думайте...*» – Эта мысль ясно читалась на лице управляющего.

– Понятия не имею... – сказал он вслух.

– Можете припомнить, сколько времени женщина провела в отеле?

– Да нисколько! Появилась в тот самый день, когда...

Обдуманый выбор. В «постановке» Селии Яблонки отель играл важную роль. Как и опера... Интересно, парни, занимавшиеся этим делом, обратили внимание на детали? Или просто закрыли дело? И кто проводил вскрытие? Сервас надеялся, что Дельмас: характер у него вспыльчивый, но профессионал он классный. *Раньше Мартен был таким же...*

Сейчас нужно понять, кто и зачем прислал ему этот ключ через год после смерти художницы.

9. Антракт

Одинокий темно-красный листок сорвался с ветки и медленно и плавно спланировал на грязный снег прямо к ногам Серваса. «И как только ему удалось продержаться так долго?» – подумал он, глядя на голые ветки. Зажатая в уголке рта сигарета дрогнула, и полицейский внезапно ощутил, на какой тонкой грани балансирует. «Разморозится» ли когда-нибудь его душа?

Он пожал плечами, бросил нераскуренную сигарету на асфальт рядом с багровым листком и раздавил ее каблуком. Привычный ритуал завязавшего курильщика. *Восемь месяцев...*

Сыщик достал телефон и позвонил Дельмасу.

– Помнишь Селию Яблонку, художницу, которая год назад убила себя в номере «Гранд-Отеля Томас Вильсон»?

– Н-ну... – неуверенно отозвался криминалист.

– Это «да» или «нет»?

– Помню. Я делал вскрытие.

Майор улыбнулся:

– И?..

– Что – и?

– Самоубийство *or not* самоубийство?

– Самоубийство.

– Ты уверен?

– Я что, имею привычку «теоретизировать»?! – возмутился патологоанатом.

– Конечно, нет... – Улыбка Мартена стала еще шире.

– Однозначно самоубийство, – заверил его собеседник.

– Но согласишься, история странная: женщины не так часто перерезают себе горло осколком зеркала под оперную арию...

– И тем не менее она все сделала сама, хотя поверить в подобное и правда нелегко. На руках у нее не было никаких следов, а ведь если б ее принуждали полоснуть себя по горлу, она бы наверняка отбивалась. Мы сделали токсикологический анализ, изучили разлет брызг крови, осмотрели предсмертные ранения правой руки. Деталей я не помню, но у экспертов все сошлось.

– Что показал анализ?

– Часов за пятнадцать до того, как начать действовать, она приняла снотворное и лошадиную дозу антидепрессантов... Но наркотиков в организме не обнаружили, это я помню точно, потому что предполагал, что бедняжка проглотила ЛСД или один из бензодиазепинов²¹ – иначе объяснить самоагрессию было невозможно. Произошла декомпенсация, вызванная препаратами и суицидальной одержимостью... Ты вышел на работу?

– Как тебе сказать...

---

²¹ Бензодиазепины – класс психоактивных веществ с ярко выраженными снотворным, седативным, миорелаксирующим и противосудорожным эффектами.

– Значит, не вышел... Хочу со всем возможным почтением заметить, что: первое – это дело давным-давно закрыто, и второе – ты в отпуске по болезни и мне не следует посвящать тебя в детали расследования. Почему ты интересуешься той несчастной девушкой? Вы были знакомы?

– Я узнал о ее существовании час назад.

– Ладно, хочешь темнить – дело твое. Но однажды ты мне все расскажешь, Мартен.

– Расскажу. Но не сейчас. Спасибо тебе.

– Да не за что... И знаешь что... позаботься о своем здоровье. Ты уверен, что готов?

«Готов? К чему?» – подумал Сервас. – Я просто собираю сведения».

– Еще одно: этого разговора не было, – сказал он вслух. – Договорились?

Дельмас ответил не сразу.

– Какого разговора? – спросил он, чуть помолчав, и повесил трубку.

Итак, девушка действительно покончила с собой, попытался подытожить все, что ему удалось узнать, сыщик. Ни один самый ловкий умник не сумел бы провести Дельмаса. Но как тогда объяснить присылку ключа? Уголовная полиция не расследует самоубийства. Почему выбрали именно *его*, отстраненного от работы, собирающего себя по кускам в санатории и больше всего похожего на боксера, который уже много месяцев не выходил на ринг? Сервас достал

из кармана прямоугольную карточку с логотипом «Т» и «В», прочел сделанную синими чернилами фразу:

Встречаемся завтра в номере 117.

Смысла в ней было не больше, чем в одиноком листке, который упрямо цеплялся за ветку, но в конце концов все-таки последовал за собратями, или в волках из его сна. Очередная трагедия человека, раздавленного неведомыми могущественными силами. Не первая и не последняя. Одна из многих. Но кто-то же к нему обратился! Значит, нужно в первую очередь найти этого человека.

10. Сопрано

Кристина смотрела на возившегося с дверью мастера – на полу у его ног стоял открытый ящик с инструментами. Он уже заменил прежний цилиндрический замок на новый, трехоборотный, закрепил цепочку и теперь занимался глазком. Парень успел намекнуть, что лучше всего было бы поставить бронированную дверь на сварных штырях, но хозяйка не собиралась превращать свой дом в Форт Аламо²² или оборудовать «паническую комнату»²³.

Слесарь был молод, но круглая морда и нехилая задница выдавали в нем любителя жареной картошки, гамбургеров и мороженого. Длинная прядь сальных каштановых волос то и дело падала ему на глаза, а на шее и щеках «цвели» прыщи.

– Шестьдесят процентов взломщиков отступают, если не удастся вскрыть замки через две минуты, и девяносто пять – через три минуты, – разглагольствовал он. – Шестьдесят три процента входят через дверь. – Он чуть помолчал

---

²² «Форт Аламо» – вестерн (1960) режиссера Д. Уэйна о битве за крепость Аламо, произошедшей в феврале-марте 1836 г. Форт Аламо стал символом неприступности.

²³ «Комната страха» – триллер (2002) режиссера Д. Финчера с Д. Фостер в главной роли. В доме, куда после развода переезжает главная героиня с дочерью, оборудована «паническая комната» – неприступное помещение на случай проникновения в дом бандитов.

и добавил: – Между прочим, шестьдесят пять процентов изнасилований происходит дома у жертв.

Кристина вздрогнула:

– *Изнасилований?* Зачем вы мне об этом говорите?

Слесарь откинул упавшие на лоб волосы и бросил на нее сочувствующий взгляд карих глаз:

– Грабители иногда оказываются насильниками. Вообще-то, это случается чаще, чем принято думать.

«Какого черта он морочит мне голову? За работу я ему уже заплатила, значит, хочет втюхать что-то еще...»

– Что вы продаете? – сердито спросила женщина.

Ее собеседник сунул руку в карман на животе комбинезона, достал оттуда проспект и протянул его ей:

– Это обеспечит вам полную безопасность.

Мадемуазель Штайнмайер открыла буклет. Охранная система. Пять детекторов движения, три магнитных детектора, сирена на 120 децибел со вспышкой... Все подсоединено к системе видеонаблюдения. После сигнала тревоги полиция прибывает на место через пятнадцать минут (у фирмы-производителя договор со стражами порядка!). Детекторы движения снимают грабителя и отсылают изображение на мобильный хозяина квартиры и на центральный пост охраны. Буклет был очень красивым, отпечатанным на глянцевой бумаге, и его цветные фотографии и подробные схемы внушали доверие. Фирма наверняка занимает надежное положение на рынке.

– Спасибо, – сказала радиожурналистка, – но я пока не готова отгородиться от мира.

– Вам видней. Оставьте себе, – предложил слесарь. – Может, передумаете... Смотрели «Заводной апельсин»?

«Он что, шутит? Не похоже...»

– Устранение неоднозначности, – сказала женщина.

– Не понял...

– Прежде чем предупреждать силы правопорядка, ваша фирма обязана пройти через так называемое «устранение неоднозначности»: позвонить в квартиру или в дом, где установлена система, попросить назвать пароль – если кто-нибудь ответит – или констатировать вторжение с помощью цифровых фотографий и съемки видеозаписи. И это при условии, что линия не будет повреждена, снимки окажутся «читаемыми», а злоумышленник – НЕ член семьи. Вот почему в большинстве случаев они посылают своего сотрудника – он может находиться дальше или ближе к месту преступления, ведь компания обслуживает весь район, – и только потом оповещают полицию. В лучшем случае наряд приезжает через полчаса, но чаще всего проходит час-другой, ведь у полицейских и жандармов много других дел. Реклама – она и есть реклама, то есть вранье, а это противозаконно. Передатчик помех за сто евро способен вывести вашу хваленую систему из строя, так как она беспроводная. Я делала об этом передачу.

Парень бросил на хозяйку угрюмо-злобный взгляд. Она

знала, о чем он думает: «*Лучше б тебе поберечься, мерзавка...*» – или что-то в этом роде.

Тут на столике зазвонил телефон, и Кристина мгновенно покрылась мурашками и утратила способность рассуждать здраво. Слесарь с любопытством наблюдал за ней, понимая, что-то не так. Звонок разрывал тишину квартиры, и Штайнмайер нехотя протянула руку и сняла трубку – осторожно, словно боясь обжечься:

– Слушаю...

– Кристина? – Женский голос, знакомый. – Это Дениза.

Облегчение. «*Слава богу, это не...*» Недоумение: почему Дениза звонит сюда? В памяти вдруг всплыли фотографии на экране компьютера – пара за столиком кафе, и желудок журналистки скрутило от гнева и тревоги.

– Дениза? – переспросила она. – Что случилось?

– Нам нужно увидеться, Кристина.

По непонятной причине голос аспирантки напомнил ее собеседнице, как в детстве она растягивала пальцами резинку, пока та не рвалась с негромким хлопком.

– Зачем? – удивилась она. – Это срочно?

– Да... думаю, да.

Властные нотки. И *враждебность...* Кристина насторожилась, вздрогнула, как от удара электрическим током. Что-то произошло...

– Может, объяснишь, в чем дело? – сказала журналистка, стараясь не выдавать свои чувства.

– Ты прекрасно знаешь, в чем дело.

На сей раз в голосе Денизы прозвучали обвиняющие нотки. Власть, вызов. Имеет ли она в виду себя и Жеральда?

– Я хочу увидеться с тобою *немедленно*, – добавила аспирантка.

Кровь кинулась Кристине в голову: да за кого себя принимает эта дрянь?!

– Я не понимаю, что тебе нужно и почему ты позволяешь себе подобный тон, но у меня был очень трудный день, и я намерена серьезно поговорить с Жеральдом – о нас с ним... и о ваших отношениях... – объявила она.

«Ну, как тебе такой поворот, гадина?»

– Через полчаса в «Уоллесе», на площади Сен-Жорж. Советую не опаздывать.

В трубке раздались гудки отбоя.

Да что же это такое? Наглая девка не только отдает ей распоряжения, но еще и трубки швыряет?!

Кафе «Уоллес» было отделано в стиле лаунж²⁴: стены из искусственного камня, напольное освещение, небольшие квадратные кресла, бар с голубоватой «аквариумной» подсветкой... Восемьдесят процентов посетителей – студенты.

---

²⁴ Интерьер в стиле лаунж – один из самых востребованных в современном дизайне. Все в таком оформлении должно излучать легкость, спокойствие и умиротворение, все ориентировано на достижение максимального релакса. Как интерьерный стиль появился совсем недавно.

Музыка – компиляция в стиле рок: Асаф Авидан²⁵, Local Natives²⁶, Wave Machines²⁷... Подобных заведений полно в Сиднее, Гонконге и Хельсинки, и этим они и нравятся молодняку, проживающему жизнь перед экраном компьютера.

– Привет... – В зале было так шумно, что Кристине пришлось повысить голос. Она поморщилась и села за столик напротив Денизы. Та нервным движением взболтала палочкой коктейль и медленно подняла на журналистку свои дивные зеленые глаза. *Кайпиринья*... «Рановато для спиртного», – подумала Штайнмайер. Возможно, молодая аспирантка решила набраться храбрости? Но для чего ей нужна храбрость?

– Ну вот я пришла. Зачем звала? К чему вся эта секретность и почему ты разговариваешь со мной по телефону таким неподобающим тоном? – возмущенно обратилась Кристина к девушке.

Та обвела взглядом зал и заговорила – нехотя, словно через силу:

– Вчера ты... *увидела* нас с Жеральдом в институте, в его кабинете...

Ее собеседницу опять затошнило.

– Ты хотела сказать – *застала*, – холодно заметила она.

– Увидела, застала... Какая разница? – Снова этот враж-

---

²⁵ Асаф Авидан (р. 1980) – израильский фолк-рок-музыкант и композитор.

²⁶ Local Natives – музыкальный коллектив из Лос-Анджелеса, исполняющий инди-рок.

²⁷ Wave Machines – гитарно-электронная группа из Ливерпуля.

дебный тон. – Это было не то, что ты подумала. Совсем не то. Мы работали. Он и я. Если ты не забыла, Жеральд – мой научный руководитель, и...

– Я в курсе.

– ...и дело не только в моей диссертации. Пойми, мы разрабатываем очень важный проект, ищем новый подход к приему сигналов GNSS²⁸, занимаемся спутниковой связью. – Дениза бросила взгляд на Кристину, желая убедиться, что та следит за ее мыслью. – Объясню попонятней. Ты пользуешься американским GPS. Сейчас в мире существует всего три системы – американская, русская ГЛОНАСС и китайская «Бэйдоу». В две тысячи пятом году Евросоюз запустил четыре спутника, и очень скоро начнет действовать система «Галилео»²⁹. Наше методика позволяет... *увеличить частотное разрешение Фурье-преобразования, без излишнего увеличения вычислительной нагрузки в приемнике позиционирования.* – Она послала Кристине извиняющуюся улыбку. – Знаю, знаю... это звучит как абракадабра, и я не собираюсь заморачивать тебе голову научными терминами, но мы вот-вот создадим крайне важный «продукт» – настолько значительный, что нас могут наградить премией конференции Института навигации GNSS, самой престижной в области

---

²⁸ GNSS – глобальная навигационная спутниковая система.

²⁹ «Галилео» – совместный проект спутниковой системы навигации Европейского союза и Европейского космического агентства, предназначена для решения геодезических и навигационных задач.

спутниковой связи. – По голосу аспирантки чувствовалось, что она нервничает все сильнее. – Я понимаю, что непосвященному все это кажется ужасно скучным, но мы с Жеральдом обожаем то, что делаем, – я имею в виду наши исследования. Идея принадлежит ему, он потрясающий руководитель... – Пауза. – Вот почему для нас не имеет значения, праздничный сегодня день или будний... Мне в голову пришла одна идея, я позвонила Жеральду, и он сказал: «Встретимся в институте, сейчас же!»

– Ну да, конечно...

Кристина хорошо поняла смысл сбивчивого монолога Денизы. *«Перестань накручивать себя, милочка: ты все равно ничего не поймешь – ума не хватит, да и образования тоже... Это наш мир – мой и твоего будущего мужа, и он для тебя закрыт. Делай выводы, и поскорее...»*

Мадемуазель Штайнмайер обвела взглядом столики: сколько из присутствующих в зале студентов занимаются настоящей наукой? Она знала, что в космической отрасли трудятся десятки тысяч человек, а кампус Рангёй и местные исследовательские лаборатории берут на работу студентов, специализирующихся на математике, информатике и аэронавтике.

Взгляд Денизы стал обвиняющим.

– Ты все время что-то придумываешь, Кристина. Из-за того, что я красивая, из-за того, что Жеральд высоко меня ценит, из-за того, что между нами пробегает искра... Не знаю,

что тебе показалось, но...

Журналистке не понравился тон, которым Дениза произнесла последнюю фразу. Что это за намек на интеллектуальную близость, на своего рода сообщничество между ее будущим мужем и этой... аспиранткой? Интересно, Жеральду случается сравнивать их?

Штайнмайер тревожило и еще кое-что, но она не сразу поняла, что именно. Ну конечно! *Дениза похожа на Мадлен...* Точно. Если б ее сестра не умерла, она стала бы именно такой. Не куколкой, но утонченной красавицей...

Кристина ощутила смятение и... облегчение. Отправляясь сюда, она боялась другого. Чего именно? Неприятного сюрприза, вроде подброшенных в ящик стола таблеток? Признания в любовной связи? Она не знала, но звонок соперницы ее напугал.

– Всё в порядке, Дениза, – произнесла женщина примирительным тоном. – Я ничего не «придумываю», можешь мне поверить. Я знаю, как сильно Жеральд любит свою работу и как высоко ценит тебя. Так что никаких проблем.

«Правда? Ты в этом уверена?»

– Тогда объясни мне вот это, – ледяным тоном произнесла аспирантка и подтолкнула к Кристине листок бумаги.

– Добрый день, – профессионально бодрым тоном сказал подошедший официант. – Хотите что-нибудь заказать?

– Что это? – спросила журналистка, проигнорировав его.

– А ты не видишь? – прошипела ее соперница срываю-

щимся от злости голосом.

Гарсон счел за лучшее испариться, а Кристина прочла распечатку электронного письма:

Дорогая Дениза, не думай, что я не разглядела твой маневр... Оставь в покое моего мужчину. Очень тебе советую.

Подпись: Крис выпускает коготки.

Штайнмайер показалось, что стол и комната закружились в вихре. *Невозможно... Этого просто не может быть...*

Она перечитала мейл. Закрыла глаза. Снова их открыла. «*Все это нереально!*»

– Это написала не я... – начала было оправдываться женщина.

– Брось, Кристина! Кому, кроме нас с тобой, может быть известно, как Жеральд называет тебя, когда ты злишься? – усмехнулась аспирантка.

– Что?! – Ее собеседница покачала головой. – Жеральд так меня называет?

На лице похожей на Мадлен красавицы отразились нетерпение и презрение:

– Не прикидывайся...

– Я действительно не понимаю, Дениза! Я ничего тебе не послала. Когда это пришло?

– Вчера вечером...

Он. Больше никому. Но как ему удалось так много узнать?

– Не морочь мне голову, Кристина! Там твой электрон-

ный адрес, – терпеливым тоном профессора, наставляющего особенно тупого студента, сказала Дениза. – Письмо отослали с *твоего* компьютера. Плюс подпись... По-моему, вполне достаточно.

– Ты рассказала Жеральду?

– Не успела.

– И не рассказывай. Пожалуйста...

– Значит, ты признаешь, что сочинила это... этот...

Кристина колебалась. Она могла продолжить все отрицать. Она *должна* была все отрицать. Как ей поступить? Рассказать о моче на коврике, о звонке в прямой эфир, о походе в полицию и о мерзком послании на ветровом стекле? Журналистка прекрасно понимала, какой эффект возымеют ее слова. Дениза решит, что у нее развивается паранойя, и будет злословить с подружками: *«Бедняжка окончательно рехнулась, ей самое место в психушке... Не понимаю, что в ней находит Жеральд...»*

– Да... – с трудом выговорила Штайнмайер.

Собеседница наградила ее сожалеющим взглядом и удрученно покачала головой: она свои выводы сделала. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Кристина знала, что она думает: *«Вот же черт, нарвалась на умалишенную...»*

– Мне очень нравится Жеральд, – мягким тоном произнесла Дениза, и радиожурналистка прочла в ее зеленых глазах открытый вызов. – Он замечательный человек и потря-

сающий руководитель. Повторяю: между нами ничего нет, но я его люблю...

«Повторяешься, милочка, я поняла, едем дальше...»

– И потому спрашиваю себя... – аспирантка говорила все медленнее.

– Ну-ну, продолжай...

– Та ли ты женщина, которая ему нужна...

Фраза прозвучала как пощечина.

– Можешь повторить? – приподняла бровь мадемуазель

Штайнмайер.

– В любом случае тебе следует показаться психиатру, – не меняя тона, произнесла Дениза, забыв о сдержанности и хороших манерах.

Несколько бесконечно долгих секунд Кристина, не моргая, смотрела на застывшее «стоп-кадром» лицо зеленоглазой стервы, а потом заговорила, мгновенно сорвавшись на крик:

– ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ?!

Сидевшие за соседним столиком студенты обернулись: скандал между двумя красотками обещал бесплатное развлечение.

– КАК ТЫ СМЕЕШЬ РАЗГОВАРИВАТЬ СО МНОЮ В ПОДОБНОМ ТОНЕ?! – Журналистка произнесла эти слова низким вибрирующим голосом, почти по слогам, и в них было столько неистовой злобы и неконтролируемой агрессии, что ее соперница отшатнулась, словно получив удар

в солнечное сплетение. Теперь на них смотрели почти все посетители.

– Извини, это, конечно, не мое дело... – Дениза отстраняющимся жестом подняла руки. – Жеральд – взрослый мальчик, он сам решает, что ему делать со своей жизнью...

«*Даешь задний ход, гадина?! Поздно!*» Кристина почувствовала, как к ней возвращается старый верный друг – гнев. И на этот раз она не станет сдерживаться. О нет...

– Ты *чертовски* права – это не твое дело. Пора нам поговорить начистоту. Ты чуточку слишком усердная для *аспирантки*. – Штайнмайер сделала упор на последнем слове. – Чуточку слишком – как бы это сказать, чтобы не обидеть? – *надоедливая*. Улавливаешь мысль?

Она в упор взглянула на Денизу, которая была слишком потрясена, чтобы отвечать.

– Дам тебе совет: в будущем занимайся своими делами... сосредоточься на диссертации. На своей ГРЕБАННОЙ ДИССЕРТАЦИИ. Иначе я попрошу Жеральда передать тебя другому научному руководителю.

С этими словами разгневанная радиоведущая встала и добавила:

– ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ МОЕГО МУЖЧИНЫ!

Направляясь к двери, Кристина прошла мимо столика, за которым сидел коротышка с черными, как угольки, глазами. Он отложил газету, поднес к губам кружку и прово-

дил ее равнодушным взглядом. Росту в нем было где-то метр шестьдесят пять – маловато для мужчины, над такими вечно подшучивают и подсмеиваются, – но сложен он был хорошо: накачанные мускулы, тонкая талия... Все дело портило его лицо – почти *женское*, с изящным носом, пухлыми губами и высокими скулами. Бритый череп тоже выглядел бы уместней на женских плечах – уж слишком идеальной была его форма. Картину довершало отсутствие бровей и длинные белые ресницы. Контрастировали со странной внешностью только черные глаза, в которых таилась бездна. Взгляд этих глаз никто не назвал бы опасным или пронизательным: он был *пустым*...

На парне были парка цвета хаки и черная толстовка с капюшоном, из-под которой выглядывала серая футболка, так что он ничем не отличался от сидевших вокруг студентов, разве что был на несколько лет старше. Он смотрел в спину Кристине, оценивая взглядом знатока все изгибы и округлости ее тела, а потом глотнул пива, мысленно отметив, что ни один мужчина не последовал его примеру: неприлично лезть в чужие дела! Большинство людей в этой стране поразительно наивны – как ангелы или евнухи. Они ничего не знают о тех, с кем сталкиваются каждый день, им неведомы истинное страдание, пытки, смертельные муки детей... Они не слышат рыданий, которыми полон этот мир, и не представляют себе, как взрывается истерзанный болью мозг... Ни один из них не сидел в подвале, воняющем мочой,

дерьмом и потом, где человеку кажется, что время остановилось, и он вдруг понимает – всегда слишком поздно, – что ад существует здесь и сейчас, что его ворота могут открыться в любой момент, а его невидимые слуги ходят по улицам и ездят в метро.

Он вспомнил строки из стихотворения своего соотечественника:

Ледяная вода все темнее,
Все чище смерть, солоней беда,
А земля все первозданней и опасней.

Затем он перевел взгляд на вторую женщину, чертовски красивую и очень бледную. Она смотрела в никуда и нервно покусывала нижнюю губу, а потом встала, резко оттолкнув стул.

Малышка в ярости... Отлично. Все идет, как было задумано. Хотя, на его вкус, все получилось слишком просто. Он не пошел следом за красоткой – его целью была не она, а та, другая, которая привлекла своим криком внимание всех посетителей.

Кристина Штайнмайер. Ему назвали это имя, дали адрес и сообщили множество деталей. Он коснулся рукой ширинки. Его заводила мысль о том, *что* ей предстоит пережить в ближайшие дни. Эта дрянь понятия не имеет, что ее ждет.

Мужчина получил деньги, а скоро получит и удовольствие – во все времена, при всех режимах для таких как он

находилась работа. Для способных и «вдохновенных» практиков. Он умел вырвать признание у любого, любыми средствами и в любых условиях. Как-то раз, очень давно, он пытал одного типа на его собственной кухне в крошечной современной квартире в Амстердаме. Он тогда пришел с пустыми руками, без своих привычных «инструментов», и высоченный белокурый голландец – росту в нем было метр девяносто, не меньше, – снисходительно улыбнулся, увидев его на пороге. Через двадцать секунд великан валялся на полу с раздробленными коленями и подрезанными сухожилиями, а через две минуты сидел на стуле с заклеенным суперпрочным скотчем ртом. Его гость усилил звук стереосистемы, и Иэн Гиллан³⁰ во все горло запел «Дитя во времени». Он взял наполненный до краев кофейник – время было утреннее – и вылил обжигающую жидкость на голову своей жертве. Потом придавил обе его ладони к конфоркам, нашел в шкафчике баллончик аэрозоля для чистки плит и пустил струю в глаза блондину. Улыбаться тот перестал очень давно – он пытался вопить, и из его глаз текли слезы. Он раз шесть терял сознание, и мучитель приводил его в чувство, обливая ледяной водой. Голландский скупщик краденного оказался твердым орешком – работал на вора в законе, мразь из мрази, одного из законченных ублюдков, – он был нежным и любящим отцом семейства (жена и дети жили

---

³⁰ Иэн Гиллан (р. 1945) – британский рок-музыкант, вокалист и автор текстов песен; наиболее известен как фронтмен группы Deep Purple.

в Дельфте). Палач повесил его за ноги к турнику, закрепленному над дверью ванной: жертва обливалась потом, кровью и мочой и готова была пожертвовать родными, лишь бы все это прекратилось. Сердце блондина колотилось в такт звукам «Король скорости»...

Бритоголовый коротышка с женоподобным лицом допил пиво. Никто на него не смотрел: окружающие сидели, уставившись на экраны планшетов и смартфонов, они старались не встречаться взглядами и смахивали на зомби. А между тем некоторые детали должны были привлечь их внимание. Бледный шрам на подбородке невысокого человека. Татуировки: первая, на правой стороне шеи, изображала скорбное иконописное лицо Богоматери, вторая, во всю грудь, – Богоматерь с младенцем, купола православных церквей, звезды и черепа... Каждая деталь имела особый смысл. Младенец Иисус означал, что человек впервые сел в тюрьму «по малолетке», Богоматерь символизировала преданность банде, лучи звезд – количество «ходок», звезды на коленях сообщали миру, что он никогда никому не покорится...

Он вспомнил, как в восемнадцать лет пришел в торговый флот. Его корабль, рудовоз «Александр Лужин», курсировал во льдах в устье Енисея, когда погода внезапно переменялась. Спасатели добрались до них только через три дня и три ночи, за едой моряки травили истории о призраках, а вокруг царили арктическая ночь и снежный хаос. Боцман с серьезным видом клялся, что иногда по утрам недосчиты-

ваются членов команды, которые услышали зов призрачных созданий, вышли на лед и погибли.

Тогда сидящий в кафе лысый мужчина выглядел совсем по-мальчишески, и на него покусился механик, бородач с огромными ручищами: он подловил юношу в машинном отделении, велел раздеться и встать на колени. Как же он удивился, «прочитав» его историю по татуировкам: «Оказывается, малыш успел не только посидеть в тюрьме, но и убил человека – в восемнадцать лет!» «Настоящие? – с опаской спросил здоровяк, но ответа не дождался – только улыбки – и буркнул: – Ладно, поднимайся...» Это были его последние слова. Короткий трехгранный нож вонзился ему в кадык, вспорол гортань и перерезал голосовые связки. Механик выжил, но ничего не рассказал следователю, когда тот допрашивал его в Дудинке, и отказался написать имя обидчика. Он не мог забыть взгляда черных глаз и не имел ни малейшего желания общаться с представителем закона.

Кисти рук и две первые фаланги всех пальцев коротышки тоже были покрыты татуировками. Он взял лежавшую рядом с газетой ручку и начал быстро набрасывать на полях женское лицо. Портрет женщины лет тридцати. Закончив лицо, он украсил ее лоб венком из колючей проволоки и написал внизу:

Крис выпускает когти.

После этого он закрыл газету и ушел, не оглядываясь.

11. Крещендо

На следующий день Сервас встал в 7.00, когда остальные «постояльцы» еще лежали в теплых постелях. Почти у всех была бессонница, вот они и «добирали» сон по утрам.

Сыщик вошел в пустую столовую, налил себе кофе, взял сливки и сел. Ему нравилось одиночество. Он устал от нытья окружающих и наслаждался тишиной. Все – ну почти все – бывшие полицейские, измотанные беспорядочной жизнью, сломавшиеся и сдавшиеся, любили вспоминать прошлое, и Мартен, попав в этот, с позволения сказать, «оздоровительный центр», тоже погрузился в теплые воды ностальгии.

– Как насчет горячего круассана?

В дверях стояла Элиза. Сервас улыбнулся. Иногда ему казалось, что эта женщина – единственный нормальный человек в здешней богадельне. Маленький темноволосый мальчик устроился за соседним столиком и достал из ранца альбом с фломастерами. Элиза поставила перед майором тарелку, села напротив и заговорила:

– Уже на ногах?

– У меня дела в городе, – ответил сыщик и откусил половину вкуснейшего круассана.

Женщина бросила на него изумленно-довольный взгляд и попросила:

– Ну-ка повторите. Я плохо расслышала.

Он соскреб снег с ветрового стекла, плеснул на него горячей водой, протер, включил печку и аккуратно выехал со стоянки. Резкий ветер сдувал на асфальт снег с окрестных полей, но никто, конечно, не подумал прислать сюда хоть одну машину и посыпать дорогу солью. Сервас добрался до шоссе А66, свернул на А61 и въехал в Тулузу с восточной стороны.

Его мысли были заняты Гиртманом. Прокурором Жене-вы, своим ночным кошмаром, похитителем Марианны. В моменты просветления он говорил себе, что больше никогда о нем не услышит, что Гиртман наверняка сдох где-нибудь в трущобах Латинской Америки или Азии, что ему нужно сделать одно – забыть негодяя. Или хотя бы притвориться, что забыл. Днем это худо-бедно удавалось, но с приближением вечера, когда свет покидал самые дальние уголки мозга, Мартен попадал в ловушку мрачных мыслей и его душа сто-нала от ужаса. В былые времена, раскрыв особо тяжкое пре-ступление, он возвращался домой, слушал любимого Малера (лучший антидот против мира теней), и все становилось на свои места. Но швейцарец отнял у него волшебное лекар-ство. Как и Сервас, он был страстным почитателем австрий-ского гения. Когда в больничной палате Института Варнье зазвучала музыка Малера, оба, преступник и полицейский, мгновенно поняли, что похожи. Майор не забыл, какое впе-чатление произвел на него тот высокий исхудавший человек

с прозрачной кожей. Гиртман поднял глаза, и сыщик вздрогнул, как от удара током. Ровно через секунду негодяй «прочел» его – расшифровал, разгадал. Сервас редко чувствовал себя таким беспомощным, «раздетым».

Он получил открытку от Ирен Циглер из Нью-Дели – теперь она служила в Департаменте международного сотрудничества, ответственного за внутреннюю безопасность. Двести пятьдесят полицейских и жандармов были приписаны к девяноста трем посольствам и занимались предупреждением разного рода угроз: терроризма, киберпреступности, торговли наркотиками... Ирен написала всего две фразы:

Ты все еще думаешь о нем? Я – да.

Иногда Мартена посещала дикая мысль: возможно, Циглер приняла назначение в тайной надежде отыскать след швейцарца. Сервас не сомневался, что Ирен использует все имеющиеся в ее распоряжении средства – информационные базы и логистику, – чтобы добиться своей цели; ведь именно так она действовала, когда ее в качестве наказания перевели служить в сельскую бригаду. Но легче было бы вычерпать океан ложкой...

Добравшись до города, Мартен отправился к парку Гран-Рон, а оттуда – к Капитолию. Асфальт тротуаров и мостовых был занесен порошей, а на крышах машин лежали пухлые белые подушки снега. Сервас оставил машину на подземной стоянке и пересек площадь, чтобы выпить кофе в кафе напротив Ратуши. Усевшись за столик, где лежала чья-то газе-

та, он увидел обведенную ручкой статью и от нечего делать прочел ее, потягивая ароматный напиток. Спутник «Плеяды 1 Б» прислал в Космический центр Тулузы первые снимки. В статье говорилось, что спутник был запущен 2 декабря в 2 часа 02 минуты с космодрома Куру в Гайане ракетой-носителем «Союз» по договору Информационно-технологического сопровождения. На первых снимках были запечатлены Париж, остров Бора-Бора, авиабаза ВВС США «Девис-Монтен» в Тусоне, штат Аризона, и пирамиды Гизы. Сервас решил, что человек, отчеркнувший статью, наверняка принадлежит к многотысячному отряду военных и гражданских сотрудников космической отрасли.

В 9.30 он покинул уютный зальчик и пошел через превратившуюся в каток площадь Капитолия. Фён³¹ «потрошил» облака, и свежий сухой снег припудривал фасады домов из розового кирпича. Тулуза еще не знала подобной зимы. Снежинки порхали над тихими улицами, возвращая людям атмосферу детства. «Можно подумать, мы в Квебеке...» – пришло в голову Мартену. К счастью, галерея Шарлен Эсперандье находилась в двух шагах от центра города, на углу улиц де ла Пом и Сен-Панталеон. Стеклопакеты с шипением разъехались в стороны, и полицейский прошел внутрь, оставляя грязные следы на светлом паркете. Внизу никого не было, яркие лампы освещали голые стены, а на полу сто-

---

³¹ Фён – сильный порывистый, теплый и сухой местный ветер, дующий с гор в долины. Фёны особенно часты весной.

яли большие картонные коробки. «Наверное, привезли экспонаты для будущей выставки...»

Сервас направился к витой металлической лестнице, которая вела на антресоли, и тут услышал звук шагов. Сначала он увидел высокие бордовые сапоги на шпильке, стройные ноги в джинсах в обтяжку и серую куртку, а потом появилось прелестное лицо в обрамлении рыжих волос.

– Мартен? – Шарлен было около сорока, но дать ей можно было лет на десять меньше. – Что ты здесь делаешь?

– Приобщаюсь к современному искусству.

– Хорошо выглядишь, – улыбнулась мадам Эсперандье. – Гораздо лучше, чем в последний раз... В том мрачном месте ты смахивал на зомби.

– Вернулся из царства мертвых, – пошутил Сервас.

– Да нет. Правда лучше, – повторила женщина, как будто хотела убедить себя, а не его.

– *Non venit ad duros pallida Cura toros...*³²

– Вижу, своих любимых латинских авторов ты не забыл. Это... – Шарлен обняла его, крепко сжала руку изящными тонкими пальцами, – очень хорошая новость.

Ее прохладная с мороза щека задержалась у щеки майора чуть дольше положенного, и он успел почувствовать запах ее волос и легкий аромат духов. До чего же она хороша...

– Ты все еще торчишь в санатории или вернулся домой? –

---

³² «К жесткому ложу печаль с бледным лицом не придет» (лат.). Марциал Марк Валерий, «Эпиграммы», пер. Ф. А. Петровского.

спросила женщина.

– Меня там кормят, поят и обстирывают – поди плохо, – хмыкнул Сервас.

– Я очень рада. Рада тебя видеть, Мартен. Рада тебя видеть таким. Но это ведь не визит вежливости, я права?

– Права...

Шарлен повесила куртку на плечики, повернулась и направилась в свой кабинет, устроенный в дальнем конце зала, выгнутого дугой над галереей.

– Тебе что-нибудь говорит фамилия Яблонка? – спросил ее гость. – Селия Яблонка...

Хозяйка галереи повернула голову, и сыщик залюбовался ее изящным профилем и точеной шеей под завитками рыжих волос.

– Это художница, покончившая с собой в прошлом году. Я выставяла ее работы. – Шарлен посмотрела Сервасу в глаза. – Тебе не надоело проявлять интерес только и исключительно к мертвецам?

Мужчина счел за лучшее не заметить подтекст ее вопроса, но на мгновение боль дала о себе знать.

Он не готов...

Сервасу хотелось верить, что он оставил все свои тревоги и страхи за порогом санатория, но усталость и сомнения шли за ним по пятам.

– Расскажи мне о Селии, – попросил он. – Какой она была? Тебе не казалось, что у нее... депрессия?

– Селия была невероятно талантливой, забавной и... дерзкой.

Эсперандье подошла к стеллажу (другой мебели в огромном зале не было), сняла с полки толстый, роскошно изданный каталог и протянула его Мартену:

– Вот взгляни.

Название на обложке гласило: «Селия Яблонка и отсутствующее искусство». Шарлен начала листать глянцевые страницы. Фотографии бездомных. Африканская семья – пять человек, ютящиеся на десяти квадратных метрах. Санитары «Скорой помощи» кладут на носилки замерзшего на смерть человека. Бродячая собака. Чумазый ребенок роется в помойке. Мальчик просит милостыню в метро... И тут же следом – сверкающие витрины супермаркетов, дразнящие взгляд жратвой, навороченной техникой, игрушками, одеждой («Скидки на все!») и новенькими автомобилями, очереди в кинотеатры, заполненные посетителями залы ресторанов быстрого питания, залы игровых автоматов, переполненные мусорные баки, гниющие свалки, печи для сжигания отходов... Послание автора миру, не требующее разъяснений, ясное и недвусмысленное.

– В ее работах нет ни малейшей изысканности, никаких тонкостей или ухищрений, – стала объяснять Эсперандье. – Она сознательно исключала эстетическую и катарсическую функции искусства, хотела, чтобы ее «месседж» был понятен всем.

Сервас поморщился – рассуждения о художественном стиле Селии Яблонки были ему неинтересны. Сам он вообще предпочитал готику.

– Где сделаны эти фотографии? – спросил он свою приятельницу.

– На улице. И в сквоте. Часть работ там и экспонировалась. Селии было недостаточно, чтобы посетители просто смотрели на снимки, она хотела, чтобы они *оказывались внутри*, и придумала звуковое сопровождение. Механический голос приглашал их посетить сквот и увидеть завершение экспозиции. Чтобы облегчить задачу, она расклеила небольшие афишки на всем пути следования.

– И что, получилось?

Шарлен поморщилась:

– Не так чтобы очень... Несколько смельчаков «прошли путь до конца», но завсегдатаев моей галереи – увы – жизнь отверженных не интересуется.

Мартен кивнул. Он знал, что жена его коллеги не питает иллюзий о посетителях художественных выставок в частности и о мире современного искусства в целом. Она много рассказывала ему о том, как с помощью миллионов долларов и евро надувается пузырь спекуляций, как сговариваются торговцы искусством, галеристы и аукционисты, чтобы «создать репутацию» тому или другому художнику и вынудить музеи и частных коллекционеров платить втридорога за вполне рядовые произведения. В любой другой области

за подобные «фокусы» сажают в тюрьму.

– Не уверена, что в моем лице ты нашел самый надежный источник информации... – сожалеющим тоном произнесла Шарлен. – Я не слишком хорошо знала Селию, хотя, пока шла выставка, мы много общались, и... Знаешь, что странно: сначала она была полна жизни, а потом вдруг изменилась – помрачнела, стала дерганой, затравленной, так что, честно говоря, ее самоубийство меня не удивило.

Сервас мгновенно насторожился... Сама по себе эта информация подтверждала версию суицида, но в словах собеседницы ему померещился некий диссонирующий звук. Или он себя накручивает? Хочет во что бы то ни стало выискать деталь, за которую можно будет зацепиться, доказать, что следователи проморгали главное? Ничто не подкрепляло эту гипотезу – кроме ключа от гостиничного номера...

– Говоришь, она менялась все то время, что вы общались? – уточнил полицейский.

– Именно так.

– Как долго это продолжалось?

– Мы познакомились месяцев за девять до ее гибели...

– Какой она тогда была?

Шарлен задумалась.

– Очень энергичной, полной энтузиазма. Строила планы, выдавала десять идей в минуту! А в конце еле ноги таскала. Стала безразличной и жутко рассеянной... Напоминала привидение.

«Что произошло? – спросил себя Мартен. – Селия Яблонка впала в тяжелейшую депрессию всего за несколько месяцев. Такое случилось с ней впервые или это был рецидив?»

– У тебя есть адрес сквота? – спросил он.

– Почему ты заинтересовался этим делом?

Сервас и сам не знал, что ищет. Дело о самоубийстве Яблонки давно закрыто и не входит в юрисдикцию уголовной полиции.

– Позавчера мне в ящик бросили вот это. – Он показал приятельнице электронную карточку.

– Что это такое? – не поняла она.

– Ключ от номера, где умерла Селия Яблонка.

– Ты знаешь, кто это сделал?

– Понятия не имею.

Сервас прочел в глазах женщины недоумение и вздохнул:

– Ты не находишь, что все это как-то непонятно и... неприятно?

Он остановился у ворот с табличкой «Общественный центр самоуправления. Прощения, взаимопомощь, самоуправление». Окна первого этажа были заложены кирпичом. Знававший лучшие времена фасад украшали граффити и многоцветная фреска, изображавшая корабль с беженцами, попавший в жестокий шторм, решетки с колючей проволокой, яркие прожектора, охранников с собаками, судей в мантиях, вооруженных револьверами спецназовцев, поли-

цейских с занесенными для удара дубинками, детей, играющих в футбол среди развалин...

Сервас вошел во двор с растрескавшимся асфальтом, сквозь который проросла трава, и направился к подъезду. У крыльца были припаркованы машины, а недалеко от них стояло несколько велосипедов. Войдя в застекленную дверь, он понял, что в доме бурлит жизнь. На вешалке висели пальто, а к желтым стенам были приколоты детские рисунки и самодельные плакаты: «Полиция контролирует. Суд сажает», «Долой высылку из страны! Общество должно защищать себя, а люди – бороться за свои права!», «Они не заставят нас молчать!», «Подними на смех мэра!»

«Да уж, атмосфера в нашей стране предгрозовая, – подумал Мартен. – Безропотное смирение одних, глухое недовольство других, и последних становится все больше...»

Со второго этажа доносились вопли ребятишек и раздраженные голоса матерей.

За спиной раздался женский голос:

– Я могу вам помочь?

Сервас повернулся, ожидая увидеть девчонку с косичками-дредрами в вязаной шапочке и с «косячком» в зубах, но перед ним стояла женщина в джинсах и свитере, со строгим пучком волос и в круглых очках.

– Я хотел бы видеть директора центра, – ответил Мартен.

– Директора? А вы...

Сервас показал удостоверение, и ему показалось, что жен-

щина брезгливо поморщилась:

– Что вам нужно? Неужели недостаточно того, что...

– Я расследую смерть Селии Яблонки, художницы, которая здесь выставлялась. Дела сквота меня не интересуют.

– Это не сквот. Мы даем приют людям, которым негде жить...

– Конечно...

– У нас общественный центр. Мы пытаемся, по мере наших скромных сил, исправлять упущения властей...

– Понятно.

– Центр может дать приют двадцати пяти семьям. Мы оказываем им финансовую и юридическую помощь, учим читать и писать на французском. Здесь есть компьютерный класс, мастерские, столовая, ясли...

– Очень интересно.

– Мы делаем все, чтобы они не чувствовали себя изолированными от общества, объясняем, как противостоять враждебному миру французского правосудия, как не бояться легавых, – последнее слово собеседница майора произнесла по слогам, – тюремщиков и судей... Это – не сквот...

– Я понял.

– Ждите здесь.

Женщина пошла к лестнице. Маленький темнокожий мальчик на трехколесном велосипеде выехал из-за угла, остановился рядом с Сервасом и уставился на него большими круглыми глазами. «Привет», – сказал Мартен, но отве-

та не дождался. Минут через пять на лестнице раздались шаги. К полицейскому направлялся высоченный и очень худой мужчина с изрезанным глубокими морщинами лицом. Несмотря на эти морщины, он выглядел удивительно молодо и был очень хорош собой: большие светлые глаза, нос с горбинкой, открытая улыбка...

– Хотите взглянуть? – обратился он к сыщику.

Тот уловил в его взгляде веселый вызов. «Этот тип гордится своей миссией...» – подумал Мартен и почувствовал внезапную симпатию к человеку, уверенному в истинности избранного пути. Он не смирился, не стал циником, не устал сражаться.

– С удовольствием, – согласился полицейский.

Час спустя они осмотрели мастерские – в одной ремонтировали велосипеды, а в другой обучали шелкографии. Сервас ожидал встретить в центре незаконных эмигрантов из Африки, но увидел беженцев из Грузии и Ирака, впавших в нищету работяг, безработных, студентов и супружескую чету молодых элегантных шриланкийцев, говорящих на тягучем английском. А еще детей в добротной зимней одежде, собиравшихся в школу.

– Все, что вы видели, может быть похоронено в самое ближайшее время, – сказал директор центра, садясь в старое продавленное кожаное кресло у выходящего во двор окна, когда они закончили осмотр.

Майор устроился в другом кресле напротив него. Ему бы-

ло хорошо известно, что нелегалов отлавливают и высылают на родину в любое время года и даже перед Рождеством.

– Итак, вы пришли из-за Селии? – вспомнил его собеседник.

Дылда с лицом юноши смотрел на сыщика без враждебности, но его пристальный взгляд смущал Серваса. Этот человек был проникателен и явно очень умен.

– Да, – подтвердил полицейский.

– Что вы хотите узнать? Я думал, дело закрыто...

– Верно.

На лице директора отразилось недоумение.

– Я пытаюсь понять, какие обстоятельства довели Селию Яблонку до самоубийства, – пояснил его гость.

– Зачем? С каких это пор полицию волнуют подобные проблемы?

Умный вопрос.

– Скажем так: остались непроясненные моменты...

Сервас, само собой разумеется, не собирался признаваться, что заинтересовался давней историей после того, как получил по почте электронный ключ от номера люкс. И в том, что это не главная причина, а главная заключается в том, что ему нечем себя занять...

– Что вы называете «непроясненными моментами»? – уточнил директор.

– Расскажите мне о ней, – попросил Мартен, проигнорировав этот вопрос. – Как долго вы общались? Вам не пока-

залось, что ее поведение внезапно изменилось?

– Я об этом не думал, но теперь, когда вы спросили... – Его собеседник достал из кармана брюк пачку коротких сигарилл, зажал одну в зубах и предложил Сервасу: – Хотите? Нет? Ну и правильно. А я вот обожаю эту дрянь...

Он чиркнул спичкой и поднес ее к сигарилле – так, чтобы пламя едва касалось ее. Затем покрутил сигариллу в узловатых пальцах, чтобы та прогрелась, и сделал несколько затяжек:

– Ммм...

Он открыл окно, и ледяной ветер зашвырнул в комнату несколько мохнатых хлопьев снега. Сыщик поежился – он не любил холод, и ему не нравился терпкий запах дыма, а вот его собеседник словно бы и не заметил перемены температуры.

– Она действительно изменилась, я бы сказал – потеряла голову. – Директор выдохнул дым, посмотрел на полицейского в упор и добавил, чеканя слова: – Она просто-напросто сошла с ума.

Серваса кинуло в жар.

– Селии казалось, что ее кто-то преследует, она едва справлялась с приступами паранойи, говорила, что за нею следят, шпионят, что ей хотят причинить вред... Она перестала доверять даже сотрудникам центра, и я не стал исключением. – В голосе директора прозвучала подлинная печаль. – Сначала я не придавал значения переменам в ее пове-

дении, хоть и замечал, что она иногда ведет себя странно, что бывает нервной и беспокойной... Но я относил это на счет волнения из-за выставки. Успех был очень важен для Селии, она работала день и ночь, но ее психологическое состояние ухудшалось, в ней проявлялись враждебность и подозрительность. Она не просто перестала доверять мне, но еще и обвинила меня в кознях. Малейшее отклонение от привычного порядка вещей мгновенно выбивало ее из колеи. Думаю, временами ей казалось, что весь мир ополчился против нее.

Мартен слушал, и его пробирала дрожь. Не от холода – от охотничьего азарта.

– Однажды произошел досадный инцидент, – продолжал руководитель центра. – Селия провела вторую половину дня в мастерской, с ребятами, она много фотографировала, выглядела довольной и расслабленной, а потом вдруг заметила чей-то силуэт во дворе у ворот. Это был мужчина с фотоаппаратом. Селия начала что-то бессвязно выкрикивать, едва не разрыдалась, а потом позвала на помощь двух добровольцев и пошла выяснять отношения. Она сорвалась – оскорбляла того человека, ударила его, попыталась отнять фотоаппарат...

Наверху зазвучала цыганская скрипка.

– Тот тип оказался журналистом местной газеты. Его послали сделать репортаж о нашем доме-убежище, так что уладить недоразумение было очень непросто... – Директор

вздыхнул. – Я попросил Селию уйти и не возвращаться – мы с трудом находим общий язык с прессой, нам очень важно, чтобы люди понимали, чем мы занимаемся, чего хотим добиться для живущих здесь семей, так что, сами понимаете... Потом я пожалел, что не попытался объяснить с Селией, но, как говорится, сделанного не воротишь.

– Вы знаете, чего именно она боялась? – спросил Мартен.

На улице загудела машина.

– Не чего – *кого*. Незадолго до смерти она заявила, что кто-то желает ей зла, хочет разрушить ее жизнь... – Собеседник сыщика выдержал паузу, а потом продолжил: – Мсье... как, вы сказали, вас зовут? Сервас? Так вот, мсье Сервас, позвольте задать вам вопрос.

Его серые глаза смотрели пристально и недоверчиво.

– Конечно, спрашивайте, – кивнул полицейский.

– Почему вы заинтересовались Селией именно сейчас, год спустя? Что, дело снова открыли? Честно говоря, все это выглядит несколько... *странно*. – Он стряхнул пепел в окно. – Если не ошибаюсь, ваш визит носит скорее неофициальный характер?

– Угадали, – не стал отпираться майор.

– Вы были знакомы с Селией Яблонкой?

– Нет.

– Знали кого-то из ее друзей или родственников? *Кто* попросил вас прийти сюда?

– Мне жаль, но на этот вопрос я ответить не могу.

– Из какого вы отдела? Год назад я вас среди следователей не видел.

– Я работаю в Департаменте криминальной полиции.

Директор нахмурился:

– С каких пор уголовка занимается самоубийствами? Возможно, Селия не покончила с собой, и это было...

– У нас нет ни малейших сомнений в том, что она убила себя.

– Ладно. Примем за данность... Но тогда история выглядит еще более странной, – прокомментировал тощий верзил, выпустив колечко дыма под потолок. – Не обижайтесь, но вы и сами выглядите неважно.

Сервас вернулся в пансионат около пяти. На город опустились зимние сумерки, на улице было неуютно, а в окнах горел свет, и дом навевал ощущение тепла и покоя, что было особенно необходимо большинству его обитателей.

Сыщик заглушил мотор и бросил взгляд на свою трясущуюся руку. «Проклятые сигариллы...» – подумал он и пошел по присыпанной снегом гравиевой дорожке к входу. Из большой гостиной доносились голоса – время ужина еще не наступило. В здешнем заведении тоже имелись мастерские: театральная, мастерская игры в белот, мастерская сплетен, мастерская жалоб, мастерская воспоминаний...

Мужчина поднялся в свою комнату под крышей, перескакивая через две ступеньки, отпер дверь и сразу зажег лам-

пу на столе – потолочный плафон давал мало света. Включив компьютер, он кликнул на иконку с портретом Густава Малера в углу экрана, и из колонок полились звуки – плавные, чистые, прозрачные, напоминающие ледяную капель. Музыка навевала чувство умиротворения. Романс «Я шел веселый». Фортепианная версия в исполнении самого Малера была записана на валики в 1890 году, позже была сделана перезапись этой вещи, а потом ее оцифровали. Пальцы великого музыканта легко касались клавиш «Стейнвея», извлекая из инструмента невесомые, как крылья бабочки, ноты, которые остались в веках, чтобы Сервас мог наслаждаться ими сегодня.

«Иногда передовые технологии действительно творят чудеса, – подумал он, – пусть даже в них есть нечто дьявольское». Полицейский взглянул на часы – 17.16 – и достал телефон.

– Привет, Мартен... – услышал он знакомый голос.

Это был Дегранж, инспектор Службы общественной безопасности, прямой, честный, наделенный от природы чутьем, которому мог бы позавидовать самый породистый благдаунд. Прежде чем перейти в уголовную полицию, Сервас был его напарником и полностью ему доверял.

– Сколько лет, сколько зим... – протянул Дегранж. Ему была известна история с «польской коробкой», но сдержанность и чувство такта не позволяли ему упомянуть об этом впрямую.

– Я в отпуске по болезни, – ответил Сервас.

Без комментариев...

Затем Мартен из вежливости поинтересовался, как поживают дочери Дегранжа. Обе были немислимыми красотками, росли не по дням, а по часам и вызывали восхищение у всех окружающих.

– Ты вряд ли звонишь, чтобы поболтать о моих девочках, Мартен, я угадал? – спросил наконец инспектор.

Сервас решил не темнить:

– Имя Селия Яблонка тебе что-нибудь говорит?

– Девушка, перерезавшая себе горло в отеле «Томас Вильсон»? Конечно.

– Я хочу посмотреть то дело...

– Зачем?

Прямо и без обиняков. Майор знал, что его бывший коллега ждет такого же прямого ответа, и предпочел сказать правду:

– Кто-то прислал мне ключ от номера, где она умерла.

Пауза.

– Есть идеи насчет личности «дарителя»? – уточнил наконец Дегранж.

– Ни одной.

Еще одна пауза.

– Ключ, говоришь? – снова подал голос инспектор.

– Да.

– Ты доложил начальству?

– Нет.

– Черт бы тебя побрал, Мартен! Ты же не собираешься снова открыть это дело и вести его в одиночку?

– Я всего лишь хочу прояснить кое-какие детали. Если что-нибудь раскопаю, сообщу Венсану и Самире. Нужно проверить факты.

– Какие?

– Что?

– Какие факты?

Сервас ответил с секундной задержкой:

– Вообще-то я хочу найти того или ту, кто прислал мне ключ, и думаю, что ответ может быть в этом деле.

Дегранж промолчал, и Мартен понял, что тот размышляет.

– Мда... Логично. До некоторой степени... – признал в конце концов его бывший коллега. – А ты не задал себе другой вопрос?

– Какой?

– Почему выбрали именно тебя? Ты ведь не имел отношения к тому расследованию. Подобные дела не в твоей юрисдикции, но этот... назовем его некто – точно знал, где тебя найти. По-моему, газеты не информируют публику о впадших в депрессию легавых. Не находишь, что это несколько... *странно?*

Итак, Дегранж в курсе. Как и большинство тулузских полицейских... Сервас понимал, как сильно это обстоятель-

ство затруднит его возвращение на службу.

– Именно поэтому я и хочу посмотреть дело. Судя по всему, мистер Икс знает обо мне не меньше, чем об этом деле, – объяснил он.

– Что совсем неудивительно – газеты освещали твои расследования в Сен-Мартене и Марсаке. Если бы я искал компетентного сыщика, то тоже выбрал бы тебя. Посмотрим, что можно сделать. Перезвони мне завтра. Пообедаем. Поговорим о старых добрых временах... Я помню, как ты появился у нас. Молодой лейтенант на старой тачке. Ты поставил машину на стоянку и пошел перекусить, а когда вернулся, обнаружил, что тебя ограбили – взяли все, даже трусы! Это было твое первое назначение, и первое, что ты сделал, – подал жалобу!

Сервас ухмыльнулся.

Около шести вечера Кристина набрала код домофона, толкнула тяжелую входную дверь и поспешила зажечь свет в холле. Стук каблуков по кафельным плиткам эхом отозвался у нее в голове. Она достала ключи, чтобы открыть почтовый ящик, и невольно задержала дыхание. *«Слава богу, ну-сто...»*

Затем женщина вызвала лифт, и кабина поехала вниз, трясясь и раскачиваясь в огражденной сеткой шахте – провода разматывались, как свисающие с деревьев змеи. Наконец дверь с сухим щелчком открылась, журналистка во-

шла в тесную кабину и нажала на кнопку третьего этажа. В какой-то момент ей показалось, что это тюремная камера. У нее с самого утра щемило сердце, и теперь оно вдруг забилось сильнее. Странно, день выдался спокойный... Наконец-то спокойный. Неприятная стычка с Денизой почти забылась, жизнь вошла в нормальную колею. Кристина надеялась, что неизвестный получил, что хотел – запугал ее до ужаса, – и теперь успокоится, но она понимала, что обманывает себя. Этот тип знает о ней то, чего не может знать, значит... *«Боже, пусть это прекратится! Ну что ему стоит взяться за кого-нибудь другого?»* Желание, конечно, было подленьким, но таким понятным!

Кабина в последний раз вздрогнула и остановилась. Мадемуазель Штайнмайер вышла на площадку и прислушалась. Никаких подозрительных звуков – только классическая мелодия доносится из какой-то квартиры. Женщина нащупала новые ключи на дне сумки, шагнула к двери.

И застыла с вытянутой рукой.

Опера...

Звук шел из ее квартиры...

Кристина готова была развернуться и сбежать, но справилась со страхом, отперла замок и остановилась на пороге: музыка играла в гостиной, ее стереосистема была включена... Женский голос набирал силу, пели скрипки. *Сопрано...*

Хозяйка зажгла свет и осторожно двинулась вперед, оставив входную дверь открытой. Комната была пуста, но на жур-

нальном столике лежал CD-диск. Журналистка точно знала, что утром его там не было. Она ненавидела оперу и не покупала классические записи.

Медленный вдох. Шаг. Остановка. «Тоска» Пуччини. И на радио ей тоже прислали диск. Значит, это не ошибка...

Это часть плана.

Кошмар – снова...

Первая мысль – «Он еще в квартире!» – заставила сердце Штайнмайер бешено колотиться. Она кинулась в кухню, рванула на себя верхний ящик, схватила самый большой нож и заорала:

– Покажись, придурок! Давай, покажись!!!

Кристина кричала, чтобы подбодрить себя и попробовать напугать непрошеного гостя. Но ответа она не дождалась – только певица брала все более высокие ноты. Женщина убавила звук до минимума и в наступившей тишине услышала стук собственного сердца. Она переходила из одной комнаты в другую, держа перед собою нож, дрожавший, как рамка в руках лозоходца.

Зимний день клонился к вечеру, и в квартире царил серый сумрак. Нажимая на кнопку очередного выключателя, Кристина напрягалась в ожидании нападения.

«Где ты, сволочь? Кто ты?»

«Из какой дыры ты выполз, чтобы портить мне жизнь? И откуда ты знаешь обо мне то, что знаешь?»

А он ее знал. Отлично знал. И сумел попасть в кварти-

ру – несмотря на новые замки. Неужели тот молодой слесарь участвует в заговоре?

«У тебя паранойя, старушка!»

Журналистка вспомнила, что торопилась на встречу с Денизой и попросила парня оставить новые ключи в почтовом ящике. Идиотина! Она вернулась к двери и закрыла задвижку, чего не сделала – просто не могла! – в тот день. Мастер тогда сказал: «Можете поставить любые замки – опытный грабитель все равно их откроет. Единственная гарантия – засов. Он обеспечивает безопасность, когда вы в квартире...»

Толкнув ногой дверь в туалет, хозяйка содрогнулась от омерзения: кто-то воспользовался унитазом и не спустил воду – в желтой луже нагло плавал окурочок. Она поспешно дернула за цепочку. Ее затошнило, но не вырвало.

Лицо женщины было мокрым от пота.

Пусто. Квартира пуста...

И новая мысль – как удар кулаком в поддых: «Игги... Его нет...»

– Игги? Игги! Игги! Ответь, прошу тебя! ИГГГИ-И-И-И-И!!!

Крик заполнил собой тишину квартиры и швырнул Кристине в лицо ее собственный страх, как тугим мячиком для игры в сквош. Она рывком открывала дверцы шкафов, выбрасывала на пол ящики, как будто изверг мог запихнуть песика в один из них!

«Сволочь проклятая, ты сдохнешь, если тронул мою собаку хоть пальцем!»

Шлюзы открылись, и она почувствовала на губах соленый вкус слез.

– Мерзкая тварь... – всхлипывая, бормотала Штайнмайер. – Пропади ты пропадом! Убью тебя, скотина...

Она шваркнула кулаком по двери, повернулась и растерянно огляделась, понимая, что обыскала все, что могла, – даже обувные коробки. Она везде посмотрела. Под мойкой, в мешке для мусора... Но не в *холодильнике*. Огромный металлизированный агрегат с синими цифрами в верхнем углу дверцы: 2 °С–20 °С.

«О нет, нет, нет, только не это... Боженька, миленький, обещаю каждый день выгуливать Игги, ему больше никогда не придется писать в лоток! Только не в холодильнике, умоляю!» Кристина сделала глубокий вдох, обогнула стойку и взялась за ручку. Закрыла глаза и потянула, преодолевая сопротивление магнитного замка.

Подняла веки.

Легкие ее наполнились воздухом, и волна облегчения разлилась по всему телу. На полках стояли баночки йогуртов и фруктовых десертов без сахара, две бутылки обезжиренного молока, легкое масло, сыры от Ксавье, бутылка белого вина, несколько бутылок «Кока-колы», коробка ризотто с белыми грибами из итальянской бакалеи, готовые блюда для микроволновки... А в ящиках лежали помидоры, редиска,

яблоки, манго и киви.

Оставалось проверить морозилку. Хозяйка медленно открыла дверцу...

Полки были заполнены продуктами, которые она недавно заказала по Интернету.

Ничего другого. Никаких «посторонних»... предметов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.